

СЛАВА ДОРОНИНА

СКОЛЬКО СТОИТ
ЛЮБОВЬ?

Слава Доронина

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЮБОВЬ?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68696136

С. Доронина. Сколько стоит любовь?:

Аннотация

Ради большой суммы, которая срочно потребовалась нашей семье, я решилась на отчаянный шаг – переступив через гордость и наплевав на вопли совести, я продала... свое тело. Мне казалось, что со временем я смогу забыть об этом поступке и той ночи, проведенной с незнакомцем, ставшим моим первым мужчиной. Но судьба распорядилась иначе. Мы снова встретились с ним спустя несколько лет, и вся моя устоявшаяся жизнь пошла под откос.

Содержание

1 глава	5
2 глава	15
3 глава	27
4 глава	35
5 глава	44
6 глава	53
7 глава	60
8 глава	68
9 глава	77
10 глава	84
11 глава	91
12 глава	99
13 глава	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Слава Доронина

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЮБОВЬ?

Слава Доронина

* * *

1 глава

Тася

Сильный дождь нескончаемым потоком шел уже второй день. После него обязательно выглянет солнце и распустятся листья на деревьях, что до последнего сопротивлялись теплу, и наступит настоящая весна. Она всегда ассоциировалась у меня с яркими зелеными красками природы и цветением абрикосов. У нас во дворе росло так много этих деревьев, что от ароматов и белого цвета кружилась голова. А после того как цветки осыпались на землю, казалось, что снова выпал снег – все было усеяно воздушным покрывалом из ваты, которая разлеталась в стороны от легкого дуновения ветерка.

После рабочей смены в кафе «Престиж» я не сразу отправлялась домой. Садилась в наш старенький автомобиль, который остался мне от отца, и ехала в любимое место за городом. В начале мая речка сильно выходила из берегов, а спустя две недели налетало жуткое комарье. Пока ни того, ни другого не случилось, я пользовалась моментом и не упускала возможности побыть немного в одиночестве и тишине. После рабочей колготы и тех картинок, что приходилось ежедневно лицезреть, желание перезагрузить нервную систему и стереть из памяти хмельные образы посетителей, было весьма велико. Я сидела какое-то время в машине, опустив стекло вниз, смотрела в темноту, прислушиваясь к мо-

нотонному стуку капель дождя о лобовое стекло и настраивалась на возвращение домой. Последние два месяца я это делала с неохотой. Вместе с наступлением тепла в нашу семью пришла печальная новость: подтвердился неутешительный диагноз у младшей сестры, и теперь ей требовалась операция. Ещё зимой она переболела гриппом, и хрупкий маленький организм не выдержал такой нагрузки, точнее, крохотное сердечко.

Два с лишним месяца мы с матерью собирали деньги на операцию, чтобы восстановить здоровье Лизы. Выставили дом на продажу, бросили клич среди друзей и родственников. Мать ходила по чиновничьим кабинетам, но везде получала отписки: «Нет денег, средств не заложено», обращались в благотворительные фонды... Но время шло, а врачи говорили, что оно в нашем случае уже на вес золота. Последний месяц я больше не вникала в диагнозы и не смотрела в анализы Лизы. Хотя сначала пробовала читать обо всем в интернете, зависала на различных форумах, искала всевозможную информацию и врачей. Последние, кстати, говорили, что Лиза изначально родилась с патологией сердца, а сильный грипп, каким она переболела зимой, крайне усугубил ситуацию. Болезнь спровоцировала осложнение, и, когда девочка начала падать в обмороки и страдать одышкой, мы заподозрили неладное и обратились к врачам. Плановые осмотры у специалистов с самого рождения ничего не показывали. А после перенесенной болезни и кучи обследований

новость, что у Лизы порок сердца, стала для меня и матери сильным шоком.

Столько безразличия, сколько я встретила в местной поликлинике, я не встречала ещё нигде. Пока лично сама не столкнешься с такой бедой, не узнаешь, что в жизни есть обратная сторона, которая состояла из каждодневного страха, боли и глубокого отчаяния за жизнь небезразличного тебе маленького существа, понимания, что бессилён и не можешь ничем помочь, а твое будущее, иной раз, зависит от толщины кошелька и наличия в нём денежных купюр. Отец умер пять лет назад. Попал в аварию, но чудом выкарабкался, мать все время тогда говорила, что он в рубашке родился. А спустя какое-то время после той трагедии на дороге он начал угасать на глазах, а в один из дней упал дома в прихожей. Больше в себя он не пришёл, впал в кому. В затылочной части головы на месте удара, после той страшной аварии образовалась гематома, а врачи попросту не доглядели. В итоге опухоль росла и в один из дней перекрыла все сосуды в его голове. В коме он пробыл ровно две недели, мать все надеялась, что он придет в себя, и в случае, если бы это произошло, областная больница дала согласие его прооперировать и попытаться спасти. Но пока он находился в коме, никто из врачей не решался на его транспортировку. Спустя две недели отца не стало, и мы остались одни. Мне тогда исполнилось пятнадцать, а Лиза совсем недавно родилась. До сих пор помню ужасные крики матери, что разносились по эта-

жу, где находился реанимационный блок, когда ей сказали, что его сердце остановилось. Она все время корила себя, что не настояла на транспортировке в областную больницу и не дала отцу шанс.

После его смерти наша жизнь сильно изменилась. Я решила не идти в одиннадцатый класс, потому что у нашей семьи не было денег на дальнейшее обучение и институт, а бюджетное место я бы не вытянула. Не могла так рисковать, зная, что количество мест ограничено, а я могла остаться не у дел. Подумав, забрала документы из школы, получила аттестат об окончании девятого класса и пошла в колледж на бюджет, выбрав самую простую профессию строителя. Нашла подработку и решила, что таким образом от меня будет куда больше прока, пока не достигну совершеннолетия и немного не поднимусь на ноги. Да и матери необходимо было помогать хоть какой-то копеечкой или просто приглядеть за Лизой.

В свободное от учебы время я работала в магазине: раскладывала и сортировала товар, заменяла продавцов, когда те уходили в отпуска. А несколько месяцев назад мне повезло еще и устроиться уборщицей в местный ресторан. Ильнур, хозяин этой с виду презентабельной забегаловки, как узнал, что у нас в семье случилась беда с маленькой Лизой, доверил мне полставки официантки к имеющейся должности уборщицы. Деньги небольшие, но на безрыбье, как говорится...

Работала по графику, и на жалобы и сетования, какая

сложная жизнь, не оставалось ни сил, ни времени. Последние три месяца я пахала, как проклятая и, каждый вечер, наблюдая за пьяными парочками и обеспеченными мужчинами и женщинами города, понимала, что не переваривала тех на дух. Мечтала поскорее закончить колледж и уехать в большой город.

Я хорошо рисовала и иногда этим подрабатывала. Вела страничку в соцсетях, просила некоторых известных блогеров разместить рекламу, рисуя для них что-то бесплатно. Имела небольшой доход, но этих крох было мало, чтобы покрыть затраты на операцию сестре. Цена вопроса была для нас с матерью неподъемная. Мы копили деньги, затянули пояса, но денег по-прежнему не хватало. Я видела, в каком отчаянии порой находилась мама, как плакала по ночам на кухне. Приезжала с ночной смены из ресторана, видела ее красные глаза и пуще прежнего в такие моменты мечтала о машине времени. Чтобы оказаться сразу в том, когда все несчастья останутся позади, а на лицах матери и сестры снова будут блистать улыбки. И я верила, что такой день настанет. А как иначе жить без веры в этой беспросветной тьме, что вдруг окутала нас после зимних холодов?

Смена выдалась тяжёлая. Ильнур на ломаном русском и с чудовищным акцентом раздавал указания – ждал на днях каких-то гостей из Москвы. Закрыв ресторан на час позже обычного и еще примерно столько же всех нас «строил». Прикупил новую униформу для персонала и заставил всех

переодеться, чтобы лично проверить, как все будет смотреться. Наверное, специально выстроил нас в шеренгу, чтобы среди девчонок рассмотреть самых доступных и охочих кандидатов, кто за лишнюю тысячу подляжет под «дорогого» гостя. Таких в его ресторане был чуть ли не каждый второй. И как только земля носила этого расчетливого негодяя? Благо меня Ильнур никогда не замечал. Кому нужна неказистая серая мышка, у которой глаза не горели от слова «богатый недоносок»?

Частыми гостями в вип-комнате «Престижа» были прокурор и глава администрации нашего небольшого города, крутые предприниматели и другие богатые сливки нищенского Мухосранска. Все эти люди мнили себя властителями мира и думали, что имели какую-то ценность и значимость, так оно, возможно, и было на самом деле, пока они все состояли в одной упряжке и лебезили друг перед другом. Именно в этом месте я поняла, что рука моет руку, и деньги идут к деньгам. И Бог с этими лицемерами, такое было везде сплошь и рядом, но больше возмущало другое: девочки, с которыми я работала в одной команде, мечтали о крохах внимания этих людей, как в омут с головой бросались в короткие интрижки за деньги, если их манили пальцами. Только хороший заработок и чаевые сдерживали меня, чтобы уйти из ресторана Ильнура. Будь моя воля, давно бы плюнула ему в лицо. Потому как предложения интимного характера от "дорогих" гостей ресторана поступали с завидной периодичностью. При-

чем хозяин забегаловки сам не гнушался и прибегал к услугам продажной любви, особенно часто с Лилей или Мариной. Местный сутенер блядского разлива. По-другому и не скажешь. А мне, в отличие от девчонок, была отвратительна одна только мысль, чтобы спать с кем-то пьяным и богатым ради денег.

Да, в мои девятнадцать я повидала много всего, чего не хотела бы испытать на себе. Видела уже пару абортотворений одной из «коллег», у второй изуродованное лицо, когда жена влиятельного блядуна поймала его с поличным, и, наверное, таких случаев было не мало. Я лишь задавалась одним единственным вопросом, неужто красные купюры с тремя нулями стоили этого всего? Да, ради Лизы, возможно, я бы решилась на подобный шаг, но добровольно и по своему желанию. А так, как это делало большинство, в погоне за удачей и шансом на роскошную жизнь – никогда!

Заглушила двигатель и вышла из машины, вдыхая полной грудью свежий воздух. Буквально пять-десять минут, и я отправлюсь домой. Тяжело, морально сложно нести груз ответственности на своих плечах в девятнадцать лет и понимание, что никак не можешь помочь родному, беззащитному человеку. Это чувство сеяло внутри пустоту. Я недавно снова открыла сайт, где такие же бедные семьи, как и наша, просили помощи на операцию своему ребенку и... просто его закрыла. Так и не смогла разместить объявление о помощи. Словно барьер стоял внутри. Столько боли было в тех строках, и

мне казалось, что если я примкну ко всем этим страждущим, то точно не вытащим Лизку.

Вода тихо плескалась о берег. Я подошла к реке и присела на корточки, опуская руки в воду. Смочила их холодной водой, умылась и немного пришла в себя. Каждый год с наступлением мая внутри меня рождалось вдохновение, но этот год единственный, когда внутри ничего не просыпалось, кроме чувства, что я как будто находилась в летаргическом сне. Казалось, пройдет немного времени, и все будет как прежде. Наивная...

Спустя полчаса я уже подъехала к дому, заглушила двигатель и зашла в дом. Мама сидела на кухне и что-то писала в тетради. Наверное, снова считала деньги. Лиза уже неделю лежала в больнице в реанимации, а мы были в подвешенном состоянии. Московская клиника готова была сделать операцию бесплатно, но вот дорогостоящий окклюдер, пребывание матери и Лизы в больнице, анализы и все лекарственные препараты мы должны были оплатить сами.

– Мам, привет, – я вошла на кухню и присела на стул напротив неё.

На грустном лице пролегли черные круги под глазами. Я уже давно не видела даже тени улыбки на нем. Да и самой было как-то не до них.

– Привет, Тасенька, – вымученно выдохнула она.

– Ну что? – хотя не знаю, зачем я спрашивала, и так было все понятно по одному взгляду на маму.

– Ещё один отказ. Багров сказал, что может выделить лишь пять тысяч из своего кармана и вытащил из кошелька одну красную купюру, – кивнула на стопку денег, что лежала на столе.

Видела я в ресторане этого обрюзгшего старикана Багрова с залысиной на голове. Всегда появлялся с таким высокомерным видом, словно божество спустилось на грешную Землю, и он один праведник среди всей грязи, что скопилась под его ногами. Лицо его наглое и глаза хитрые. Часто он проводил время в обществе молодых и расфуфыренных девиц. То ещё удовольствие работать в небольшом городе в самом злочном из всех мест, хотя по меркам местных «олигархов» единственном приличном, и постоянно лицедреть все это лиходейство.

В договоре у нас даже имелся пунктик о неразглашении того, что увидели и услышали в стенах ресторана. А если эти пунктики плохо исполнялись, то люди Ильнура помогали доходчиво усвоить эту информацию. Но я и так нигде и никогда ничего из того, что видела, не обсуждала. Даже матери никогда не рассказывала, чтобы её удар не хватил. И лишь мысленно всегда осуждала такое поведение, нравы и распутство современного времени.

– В конце мая повезу Лизу в Москву, а там видно будет... – мамин голос дрогнул, и она горько заплакала.

У меня сердце сжалось. Мы обе прекрасно понимали, что жизнь нашей Лизы зависела от операции и от того, как быст-

ро ей ее сделают. Но денег этих, каких-то несчастных бумажек с нулями, половину из которых мы набрали с горем пополам, не хватало. Даже дом выставили на продажу за копейки, но и тот был никому не нужен. Никто никому был не нужен, и мы медленно наблюдали, как увядала наша девочка. И ладно бы цена вопроса измерялась миллионами, так нет же! – Ясно.

А что я ещё могла сказать. Не мы одни ждали подобной операции. Но своя боль и трагедия были ближе.

Я встала и направилась в ванную комнату, приняла душ и закрылась в своей комнате. Достала краски и принялась рисовать. Последнее время получалась откровенная ерунда, но мне важно было хоть куда-то выплеснуть эти эмоции, которые разрывали меня в клочья. Я отчаянно верила, что выход есть, что мы успеем и соберём нужную сумму, а Лиза дождется операции и снова будет прежней озорной девочкой. Растирала слезы этой самой отчаянной веры по лицу. Потому что сегодня впервые увидела смирение на лице матери.

2 глава

Тася

Утром я проснулась с тяжелой головой. Мать уже ушла в больницу. Я обычно забегала к Лизе после занятий. Умылась, перекусила быстро бутербродом с сыром, запила чаем и пошла в колледж. Днем я машиной не пользовалась. Брала ее по вечерам, потому что до ресторана далеко добираться. Слушала лекции, кляня носом, и мечтала о выпускных экзаменах. Понимала, что напрасно трачу свое время, но хоть какое-то образование все равно пригодится. Регина, моя подруга и однокурсница, даже не пыталась вызвать меня на диалог. И так понимала, что мне приходилось несладко последнее время. Лишь изредка бросала на меня сочувствующие взгляды.

Наконец прозвенел звонок, и мы вышли из здания. Мне казалось, что я засну прямо на ходу, если не выйду на улицу. На воздухе стало немного получше, пободрее. Мы прошли с Региной по парку и долго не заговаривали, обе шли молча. Хотя обычно после занятий всегда обсуждали свежие новости и трещали без умолку. А до болезни Лизы выбирались погулять по вечерам и даже одно время встречались с парнями, но сейчас не было ни на что времени и настроения.

– Ну, неужели квоты не положены? Ничего нельзя сделать? Ну, а если к местным фермерам обратиться? Должен

же быть выход! – вдруг заговорила Регина.

Никак она не могла уяснить, что эта болезненная тема выела меня эмоционально и физически, и говорить об этом мне хотелось все реже и реже. Я чувствовала опустошение и отчаяние. А еще ощущение полной заброшенности. Все остальные сферы моей жизни: учеба, работа, увлечения, – отошли на второй, а то и третий план.словно профессиональный спортсмен, получивший травму, не совместимую с дальнейшей карьерой, я усердно пыталась доказать всем, что вернусь в спорт. Но с каждой попыткой шанс взять новый результат или хотя бы вернуться к прежнему, таял на глазах. Мои руки опускались. Еще чуть-чуть и безнадежный взгляд матери окончательно вышибет из меня последние крохи веры и надежды.

– Есть квота, встали в очередь, операцию готовы сделать бесплатно, но сам окклюдер и пребывание в больнице, все лекарства и анализы за наш счет, – я уже язык стесала, объясняя людям эти прописные истины, кто задавал похожие вопросы. Мы нашли клинику, нашли врача, но наша Лиза не единственный ребенок в очереди на подобного рода операции.

– Фермеры, главы местной и поселковых администраций, предприниматели города – все было. Деньги лежат в конверте. Но это все крохи!

В итоге сто тысяч лишь набралось от этих влиятельных людей города. Остальные сто мы нашли среди друзей и даль-

них родственников. Еще двести с лишним тысяч будто зависли в воздухе и никак не набирались.

– Ну, половина суммы уже есть! Может быть, по второму кругу обратиться?

– Регина, ну что ты придумываешь? – устало перебила подругу. – Ну, кто захочет из своего кармана деньги отдавать просто так?

– А если в клинике этой главному врачу объяснить ваше бедственное положение? – предложила она еще одну бредовую идею.

– Московская клиника насчитала внушительный ценник. Посчитали и реабилитацию, и присутствие матери, пока Лизе будут делать операцию, с чего они должны делать поблажки? Я пока искала на форумах в интернете всю информацию, знаешь, сколько ужасов насмотрелась? А сколько таких семей как наша или еще беднее? Я бы и миллион заплатила, если бы он был. Дело ведь не в деньгах, а в том, что у нас их нет.

– Кредит? – продолжала перечислять она. Хотя мы много раз уже все обсуждали.

– Максимум сто тысяч на мизерный доход матери. Но я знаешь, что решила... – вдруг остановилась и поглядела в лицо Регины.

Она тоже остановилась и кивнула головой, ожидая продолжения.

– Я у Ильнура спрошу денег! У него их много. Я из города

планировала уехать до того, как с Лизой случилась эта беда, но если он даст нужную сумму, или хотя бы ее половину, то останусь и буду отрабатывать. Землю носом буду рыть, но не могу сидеть, сложа руки. Мать вчера увидела на кухне ночью со стеклянным смирившимся взглядом и... – осеклась, а голос мой дрогнул. – Если после смерти отца и Лизы не станет, она не выдержит. Она уже руки опускает, и я вижу обреченность в ее глазах. Лучше уж испробовать все, отработаю. Но Лизу с мамой надо вытаскивать.

– Да не даст он денег! – махнула рукой Регина и недовольно хмыкнула. – Удавится того и гляди за лишнюю копейку, что прошла мимо его ресторана. Авансом так точно не даст. Выгода ему, какая? Быстрее с клиникой договориться об отсрочке, чем с ним.

Я понимала, что в итоге Ильнур мог от меня затребовать. Но и не такая уж я конфетка, как Марина, Лариса или Лиля. Станется с него просить его ублажать, нагрузит меня черной работой, как Золушку, и буду впахивать за гроши, как бесплатная рабочая сила.

– Может быть, ты и права... – я тяжело вздохнула и бодро зашагала по улице, все равно обдумывая этот вариант.

– Ты к ней? – спросила Регина.

– К Лизе, да.

Мы подошли к невысокому ограждению, за которым скрывалась моя душевная боль.

– Так охота увидеть ее прежней здоровой и озорной де-

вочкой, – призналась я грустно.

Перед глазами возник образ маленькой девочки с голубыми глазами и русыми вьющимися волосами.

Действительно, последние полгода были ужасными, наполненными лишь бесконечной беспросветностью и стремлением найти недостающие деньги. Нет, надежда внутри все еще теплилась, я верила, что собрать сумму получится, но, когда обиваешь чужие пороги и получаешь от ворот поворот, энтузиазма бороться это не прибавляет. А когда ещё полтора месяца нас направляли от одного врача к другому и ставили неправильный диагноз... Что уж говорить. Нервы были на пределе. У всех. И лишь на личике сестры не отражалось и тени страха. Она была искренне рада, когда я приходила и навещала ее, мечтала о том, что скоро вернется домой и постоянно просила показать ей фотографию цветущих абрикосов.

После визитов к Лизе я еще полдня прихожу в себя, и мне ничего не хочется. Сложно объяснить, но, когда несколько месяцев назад жизнь казалась тихой и размеренной, строились планы на будущее, и вдруг в один день все рушится, как карточный домик – такие трудности ломают. Прежде, чем ты снова найдешь в себе силы войти в привычный ритм жизни, проходит много дней в переосмыслении жизни и бессонных ночах. Сегодня на смену я заступала, трясясь, как осиновый лист. Потому что после того, как отработаю свои часы и посмотрюсь на пьяные и довольные лица посетителей, реши-

ла, что подойду к Ильнуру и попрошу денег. Конечно, мама, прознав о такой самодеятельности с моей стороны, в восторг не придет. Но я давно уже принимала решения сама. Много чего утаивала от нее, чтобы она не переживала и не нервничала по пустякам. Хотя мне кажется, и без слов понимала, что мне не сладко приходилось на работе у Ильнура.

Пока я разносила заказы, а после еще убиралась в заведении, думала о том, что хотела бы рисовать, а не ходить между столами. Только мечты о выздоровлении Лизы и о занятиях живописью доставляли мне хоть какое-то удовольствие.

Я старалась не обращать внимания на громкий смех и веселье в заведении, которое, если бы не безвыходная ситуация, обходила десятой дорогой. Но понимала, что никуда больше не устроюсь, а деньги мне сейчас были крайне необходимы. Люди потихоньку разошлись и я, убрав последний столик, навела порядок в зале и пошла в кабинет Ильнура. Тот всегда засиживался на работе допоздна.

Постучала в кабинет и услышала тихое «Войдите». Вошла и взглянула на мужчину. Тот сидел в своем кресле за столом и с задумчивым взглядом смотрел в экран телефона. Нет, конечно, Ильнур был далеко не дурак, чтобы давать мне денег просто так или авансом. Но и я тоже многому научилась в этом месте за последние месяцы работы. А в частности, скалить зубы и настаивать на своем. Болезнь Лизы и безразличие многих людей сделало меня несколько тверже.

– Таисия, что-то случилось? – он вопросительно поднял

брови.

Когда я говорила, что мне не поступали предложения интимного характера, я немного лукавила. Ильнур ничего лишнего себе не позволял и против воли меня ни к чему унижительному и постыдному никогда не склонял и не принуждал. Но разговоры о том, что у меня могла бы быть совсем другая жизнь, ответ я на внимание того же самого Багрова, иногда заводил. И получая от меня очередной отказ, прикрывался словами, что знал моего отца, потому и относился ко мне с неким снисхождением, держал на работе, да еще и терпел все мои причуды и упертый характер. Вот и сейчас я была уверена, что еще раз напомним мне обо всем этом, но, тем не менее, я отступать не собиралась. Постараюсь призвать его к разуму или, на крайний случай, вызову жалость, но все равно попрошу денег. Да, было крайне неудобно, противно, низко, и в общем, претило мне так поступать, но лучше я потом буду жалеть об этом разговоре и неудачной попытке выпросить денег, чем увижу маленький гроб и угасающую мать.

– Да, случилось. Ты знаешь, что у нас в семье беда и нам нужны деньги. Мы никак не наберем всей суммы. Лизе нужна операция, и клиника ждет от нас согласия, чтобы ее провести. Нам не хватает ста тысяч рублей, – в лоб выпалила, глядя прямо в его лицо.

Мужчина сощурил глаза и откинулся на спинку кресла. На самом деле нам не хватало большей суммы, но я специально озвучила меньший ценник. А сто тысяч, на крайний случай,

возьмем в кредит, который одобрили матери в банке.

– И? – спросил он, прекрасно понимая, что я сейчас потребую эту сумму.

– Мне нужны деньги. Я готова работать у тебя столько, сколько ты захочешь.

Какое-то время Ильнур молчал и пристально рассматривал меня серьезным взглядом. Затем поднялся с кресла и хищно улыбнулся.

– Девчонки говорят, что ты все еще девственница? – вдруг спросил он, а я непроизвольно дернулась от этого вопроса.

– Она самая, – сжав плотно челюсти, выдавила я.

Как и предполагала, начнет сейчас «сватать» мне Багрова. Девчонок подкладывал под него, чтобы быть к тому ближе и налогов платить меньше. Может еще что-то мутит, откуда я могла знать все подробности?

– У меня завтра приезжают гости из Москвы...

– Я не буду ни с кем спать! – я сверкнула гневным взглядом.

– Ты дослушай, а там сама подумаешь и расставишь приоритеты. Но просто так денег я тебе не дам. Ты вообще видела, чтобы я раскидывался ими просто так? Я не благотворительный фонд!

Я не шелохнулась. Но в эту минуту пожалела, что пришла к нему. Лучше бы поехала домой и еще раз обо всем подумала, прежде чем отправляться с такими заявлениями к хозяину ресторана. Наверное, я достигла крайней точки отча-

нения, раз пришла к нему в кабинет.

– Приезжает один состоятельный человек вместе с сыном.

– Хоть с двумя дочерьми! – огрызнулась в ответ, понимая все его намеки, и в какую степь он сейчас заведет разговор.

– Они очень обеспеченные люди. Очень, – деловито и важно подчеркнул Ильнур, – а мне нужна их помощь и связи. Думаю, ты могла бы понравиться его сыну. Он красивый молодой человек, наследник крупного бизнеса.

– Я правильно понимаю, ты предлагаешь мне сейчас подлечь под этого парня ради твоей выгоды?

– Это ты ко мне пришла и просишь выгоды. Я давно предлагал тебе варианты. Но спокойно принимал все твои отказы. Вон Багров знаки внимания тебе оказывает, а ты нос воротишь.

– Я не согласна! Я говорила о работе в ресторане, а не в одной из его комнат на протяжении всей ночи. Этой грязи я и так насмотрелась и не хочу принимать в ней участие! Ни с Багровым, ни с влиятельным гостем из Москвы! – внутри меня все клокотало от гнева.

– В таком случае мой ответ – нет. А у тебя ночь, чтобы подумать. Я даю тебе пятьдесят тысяч за ночь с сынком и оплачиваю перелет в Москву и обратно для твоей матери и сестры, и считай мы в расчете, а там я сам все обыграю, как мне нужно. Они асы в ресторанном бизнесе, и мне их связи нужны позарез. Откажешься ты, согласится Лиля или Лариса. За куда меньшую сумму. Уж они точно воротить нос не

станут.

Я молчала и судорожно переводила дыхание, чтобы прямо сейчас не плюнуть Ильнуру в лицо и не уйти из этого гадюшника.

– Ты... – я осеклась, когда Ильнур подошел ко мне вплотную, впечатываясь в меня своим огромным пузом, которое прикрывала белоснежная рубашка. Дорогой парфюм ударил мне в ноздри.

– Я человек, который дает тебе шанс спасти сестру, заплатив за ее жизнь какую-то ничтожную плату. Если уж на то пошло, я могу попросить одного из своих парней, и тебе в момент решат твою проблему с девственностью, и твой ценник упадет вдвое. А то носишься, как ненормальная, с ней и сыплешь брезгливыми взглядами вокруг. Думаешь, я не вижу, как смотришь на всех свысока? Я терплю тебя лишь из-за твоего отца, потому что знал его, и он был хорошим человеком. Не то бы уже давно сдал тебя Багрову с потрохами.

Я едва сдержалась от ядовитой и злой реплики, собираясь назвать его обрюзгшим и лицемерным негодяем, который прикрывался благими намерениями ради личной выгоды.

Мужчина смотрел на меня испепеляющим взглядом, и я покрылась испариной. Этот разговор мне дался очень и очень непросто, я никак не рассчитывала услышать подобное предложение.

– Если отец был таким хорошим человеком, почему про-

сто не дать денег? Или ты лишь пускаешь пыль в глаза?

– Потому что просто так в этой жизни ничего не бывает. И за все приходится в итоге расплачиваться, – хмыкнул он и развернулся, возвращаясь в кресло.

Выдержав его пристальный и насмехающийся взгляд, я медленно развернулась и пошла прочь.

Ни к чему не склонял, как же. Только отчетливо дал сейчас понять, что я давно хожу по краю, и он в любой момент мог столкнуть меня вниз. Но терпит. Из последних сил терпит, и его терпение на грани.

После смены я снова поехала к реке и провела там очень много времени. Больше часа точно. Сидела на берегу, слушала тихий плеск воды и думала над теми словами, что услышала в кабинете Ильнура. Одна ночь с каким-то человеком, который даже не местный житель и, считай, внушительная сумма на операцию у нас в кармане. А моя девственность... не носилась я с ней, как с писаной торбой, пусть не привирает. Мне вообще было на это наплевать, если уж на то пошло. Но продавать себя и свое тело за деньги первому встречному... Чтобы осмыслить это, требовалось время, а у меня его не было. Предложение Ильнура, походило на то, как если бы я сидела на игле и долгое время пыталась соскочить с дозы, а тут мне вдруг предложили задарма новый всплеск кайфа. Всего-то и требовалось, протянуть руку и закрыть глаза, чтобы получить это все...

Я включила громко музыку, жмурила сильно глаза и пред-

ставляла, какой стыд буду испытывать, согласившись на эту низость. И что я только не делала, чтобы выбить этот разговор и предложение Ильнура из своей головы. Думала и том, что мать, прознав, откуда и каким способом я достала эти деньги, проклянет меня, но перед глазами, как приклеенная, стояла картинка здоровой и счастливой Лизы. Она бегала по заднему двору среди цветущих абрикосов и улыбалась нам.

3 глава

Александр

– Саша, ты куда? Рабочий день ещё не окончен, – остановил меня Карим.

Я замер, досчитал до десяти и, повернувшись, посмотрел в морщинистое грубое лицо. Ослабил узел галстука, понимая, что мне нужен глоток свежего воздуха. Именно за ним я и направлялся на улицу, чтобы немного привести себя в чувство и остудить гнев, который клокотал внутри. Не то мог не сдержаться, вернуться в кабинет к отцу и... дело кончилось бы печально. Потому что негоже детям поднимать руку на своих родителей. А я бы всю душу из отца сейчас вытряхнул.

– Ты чего? Что-то случилось? – Карим заметил мое состояние и недовольно нахмурился, внимательно всматриваясь мне в лицо.

В эту самую минуту мне было плевать на работу и партнёра отца. Меня интересовал лишь один вопрос, как долго я жил в иллюзии счастливой и полноценной семьи, которой уже давно, оказывается, не существовало? Минуту назад я выскочил из кабинета отца, застав того в обществе молодой девицы, которая, широко раздвинув ноги, принимала в себя его член. В то время, как несовершеннолетняя сестра и мать ждали с работы главу семейства и генерального директора сети ресторанов «Кристалл» на ужин по случаю победы На-

таши в конкурсе начинающих архитекторов.

Я смотрел невидящим взглядом на Карима, а видел совсем другое лицо: физиономию негодяя, которое было искривлено гримасой плотского наслаждения. Вспышка ярости прострелила мозг и я, сжав кулаки, зашагал прочь, ничего не отвечая. Холодный ветер ударил в лицо и немного привёл меня в чувство. Я подошёл к машине, разблокировал замки и забрался на сидение. Глядел на мелькавших мимо людей и машины и думал о том, что ни мать, ни сестра не заслужили такого предательства, такой лжи и лицемерия после той страшной трагедии, что родители пережили вместе много лет назад. Мы все вместе ее пережили, и мне казалось, наша семья никогда не распадется, а получалось, что каждый в итоге был сам за себя? Ах, нет, иллюзии... Отец неплохо построил для всех нас не только крепкую опору и бизнес, но и создал декорации идеальной семьи.

Телефон завибрировал в кармане пиджака. Я достал его и взглянул на дисплей. Высвечивалось имя сестры. Ни с кем не хотел сейчас говорить. Хотя с сестрой мы были очень дружны, она и на архитектора пошла учиться лишь потому, что хотела быть в чем-то похожей на меня. Да и что бы я сейчас мог ей сказать? Не говорить же о том, что я случайно стал свидетелем той низкой сцены, которая никак не шла из головы. Не та тема для обсуждения с без пяти минут восемнадцатилетней девчонкой, у которой кипели гормоны внутри. Не хватало только, чтобы она вместо меня глупостей наделала.

Не знаю, сколько сидел в машине у офиса, но ощутил сильную потребность уехать куда-то подальше от этого места. А ещё лучше из города. Лишь в одном был уверен в эту минуту, что жить так, как мы жили раньше, больше уже не сможем. И на ужин я сегодня не поеду, чтобы не встречаться с отцом, потому что та сцена никак не шла из головы.

Колесил по городу пока не надоело, и остановился возле клуба с яркой вывеской. Телефон без конца вибрировал, и Наташка, наверное, сильно переживала, что меня нет на семейном ужине. Между мной и сестрой была тесная связь. Ей я мог доверить многие проблемы и поделиться радостями, ощущая её неподдельный интерес. Но ей действительно это все было важно. Ловил себя иной раз на мысли, что так, как любил сестру и с какой нежностью и трепетом к ней относился, вряд ли буду относиться к какой-то другой девушке.

Написал Наташе короткое сообщение, что у меня не получается приехать вовремя, ощущая тяжесть в груди, что изворачивался и лгал, когда хотелось выплеснуть свои эмоции хоть на какого-то человека, которому были бы не безразличны эти признания. Человека такого я знал, и он усердно сейчас набирал мой номер. Но я хотел отгородить сестру от таких новостей и правды. Самому для начала нужно успокоиться, прежде чем раскидываться словами.

Заглушил двигатель и вышел из машины, зашёл внутрь здания, понимая, что глупая это затея. Я за рулём и пить не стану, но оставаться в тишине, одному в машине, совсем не

хотелось. А этот клуб, в котором я частенько бывал – единственное место в городе, которое всегда было приятно посетить.

Мы дружили с Арсением, диджеем клуба, мне нравилась его музыка, и сам он был вполне нормальным парнем, с которым ни много, ни мало, но дружили мы со школьной скамьи. Поэтому я и приехал сюда. Знал, что могу побыть в его обществе без ущерба для своих эмоций и чувств. А он не станет лезть в душу.

– Ты каким ветром? Сто лет тебя было не видно.

Высокий и тощий парень с черной копной волос протянул мне руку. Я пожал ее и слегка улыбнулся.

– Анфиса, – он кивнул в сторону расфуфыренной блондинки с третьим размером груди и длинными красивыми локонами, – уже предлагала заплатить мне, лишь бы заманить тебя в нашу клубную атмосферу.

Я взглянул на девицу, а перед глазами снова предстала та развратная сцена с такой же намарафеченной куклой с белой копной волос в кабинете отца. Наверное, у меня ещё не скоро встанет на белокожих и светлых путан. Отвернулся от девушки и поглядел на Арса:

– Я просто пришёл. Давно не был. Анфиса еще подождет.

– Да ладно тебе. А что хмурый такой? Или отец за какие проступки лишил тебя твоей крутой должности? – усмехнулся друг, а я взглянул на его кривую ухмылку и пожалел, что приехал сюда.

– Типа того. Сам ушёл, – отозвался я и, поймав недоумение, что промелькнуло на его лице, пожал плечами.

– Ладно, послушаю тебя несколько в иной интерпретации, если ты не против.

Развернулся и направился в зал. Заказал холодной минеральной воды и, откинувшись на спинку кожаного дивана, слегка прикрыл глаза, думая о том, как мне поступить. Не будь матери и Наташи, даже сомневаться не стал: собрал вещи и ушел из дома. Пусть отец творит, что ему вздумается. Но сейчас у меня руки чесались хорошенько встряхнуть его за плечи и мозги вставить на место. А еще поговорить с глазу на глаз, чтобы расставить все точки над «і». Потому что если он рассчитывал жить с нами и продолжать трахать ту белую дрянь за нашими спинами, то он сильно заблуждался на этот счёт.

Не знаю, сколько прошло времени, наверное, час с небольшим, но в итоге мне надоело сидеть на месте. Я расплатился за воду, попрощался с Арсом и вышел на улицу. В это время снова раздалась звучная мелодия моего мобильного. Я увидел имя Карима и, тяжело вздохнув, ответил на звонок.

– Да! – получилось несколько резко.

Не в том я был настроении, чтобы любезностями обмениваться, да и рабочий день давно уже закончился.

– Я звоню насчёт Ростова. Завтра отправишься в поездку со мной вместо отца. По пути заедем в мой родной город на пару дней, – Карим говорил коротко и по существу, словно

отдавал приказ.

Я ехидно ухмыльнулся. Конечно, отец никуда не поедет. Я бы тоже не поехал, но раз так все сложилось... Буду только рад уехать на пару дней из дома. А по приезду сниму квартиру и напишу заявление об увольнении.

– Что за город? – собственно, мне было плевать на этот нюанс.

– Старгород. Мы ездили туда с тобой, тебе лет шестнадцать или семнадцать было, – тон начальника стал мягче, а я грустно ухмыльнулся, вспомнив, что и вправду была такая поездка в моей юности.

– Хорошо. Во сколько выезжаем?

– Я заеду за тобой в половине восьмого. Возьми тогда свой ноутбук и все макеты для ростовского филиала, над которыми ты работал последние два месяца. На месте внесем все правки. Может и другу моему, что подскажешь, он собирается делать ремонт и открывать еще один ресторан.

– Я поеду на своей машине, – предупредил я.

– Добро, – отозвался Карим и завершил разговор.

Я вернулся в машину и подумал о Наташке. Хотел расслабиться и выпить, но завтра предстояла дальняя дорога, лучше проведу тихий вечер с сестрой где-нибудь вне дома. Закажем еду и посидим в парке. Предвкушая, что услышу сейчас её весёлую трескотню, набрал номер сестры. Та сразу же согласилась составить мне компанию. Без лишних вопросов. Но уже когда собирался положить трубку, услышал

ГОЛОС МАМЫ:

– Саша, что-то случилось, да? – она выхватила телефон у Наташи.

Так больно стало в этот момент за неё из-за предательства отца. Не заслуживала она такого отношения. Семь лет назад наша дружная семья ждала пятого члена семьи. Родилась девочка. Мертвая. Она умерла ещё до момента появления на свет, и мать рожала уже мёртвого ребёнка. Мне на тот момент было почти девятнадцать. Наташка пошла в шестой класс. Мы все очень ждали этого чуда. Но тогда я впервые понял, что чудес не бывает, а сегодня лишь убедился в этом ещё раз.

– Все хорошо. У меня завтра командировка в Ростов. Вместо отца поеду, – огорошил ее, – готовлю документы. Опоздал на ужин, извини...

Предал её отец, а вину чувствовал я. Потому что знал об этом и понимал, что ничего ей не расскажу. Мысли отвратительные лезли в голову: соблазнить ту белую дрянь и открыть глаза отцу, что они все встречались с ним из-за денег и ноги раздвигали лишь, чтобы ни в чем не нуждаться.

– А Наташа? Куда вы, на ночь глядя? – мягким голосом спросила мать.

– Я обещал ей давно покататься по городу. Ты ведь знаешь, что, когда она рядом со мной, ты можешь ни о чем не переживать.

– Да, – тихо отозвалась мама, но я почувствовал, что она

улыбнулась. – Я все равно дождусь вас.

– Хорошо, – сказал я. – Дай Наташку, скажу ей пару слов.

Мы попрощались с матерью, я проинструктировал сестру насчет вечера, и что подъеду через полчаса, и разъединил звонок.

4 глава

Александр

Спустя полчаса я подъехал к дому, и Наташа выскочила на улицу. Мама все же вышла ее проводить, стояла и смотрела на нас теплым взглядом. Когда мы отъехали от дома, Наташа убавила музыку и поглядела на меня, видимо, уже сгорая от любопытства, и не в силах молчать.

– Ну, рассказывай, что случилось? – потребовала она.

В ее взгляде все перемешалось: и понимание, и нежность, и озорство.

– С чего ты решила, что что-то случилось? – я криво ухмыльнулся и старался на неё не смотреть.

– Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой. Меня-то ты точно не обведешь вокруг пальца, как маму. Не сидел ты ни на какой работе!

– Не сидел, – согласился я. – Просто не хотел ехать домой.

– Это из-за отца? – прямо спросила она. Наташа как-то обмолвилась, что однажды застала сильную ссору между отцом и матерью.

– Да, мы немного повздорили на почве работы, я не захотел приезжать на ужин.

Я редко обманывал Наташу, и то лишь потому, что она и в самом деле была очень смышленная девочка.

– Да, поверю. Он тоже сидел весь ужин хмурый, а потом

уехал куда-то, сказав, что у него срочные дела.

И я даже знал имя этим делам и видел эту занятость несколько часов назад своими глазами. Крепче сжал руль и, взяв себя в руки, повернулся к сестре и натянуто улыбнулся.

– Не бери в голову, ладно?

– Ты знаешь, тебе порой можно и не говорить ничего, я и так все чувствую. И сейчас ты меня обманываешь. Ты уйдёшь из дома?

Я нахмурился и строго на неё поглядел. Прекрасно понимал все её чувства. Но ведь не мог же я всегда жить рядом с ней. У меня и личная жизнь иногда имела место быть. Точнее регулярно.

– Нет, – улыбка получилась фальшивой, и Наташа сразу просекла эту неискренность.

– Я не знаю, – сдался я. – У меня как-никак личная жизнь есть, Нартышка, – взгляд сестры потеплел, и она улыбнулась. Ей нравилось, когда я ее так называл. Нартышка, потому что если вдолбит себе что-то в голову, то настырнее и не сыскать человека на земле.

– Кстати, про личную жизнь, – лицо Наташи посветлело. – У меня тут ухажер появился... Я хочу вас познакомить.

– Мы с ним не знакомы? – с удивлением взглянул в ее счастливое лицо.

Круг общения у нас был почти один и тот же, сестра часто крутилась в моей компании, и друзья норовили стать для нее больше, чем друзья. Только я пресекал все подобные подка-

ты на корню. Да и Наташка не промах, научилась умело давать отпор и без моей помощи.

– Нет, мы познакомились с ним на конкурсе, где я заняла призовое место.

– Да ладно? Ты переключилась на ботаников и задротов? Я не узнаю вас в гриме, – иронизировал я.

– Перестань, – рассмеялась она. – Он твоего возраста.

У меня округлились глаза, и беспокойство за сестру возросло двукратно.

– Он был в жюри.

– И что за парень? Хотя тут уже впору применять слово мужчина...

– Его зовут Глеб. И он так красиво ухаживает. Примерно, как ты за девчонками.

– Это меня настораживает еще больше. Ты ведь, наверное, понимаешь, что ни к одной из них я серьёзно не отношусь? – я поглядел на сестру пристальным взглядом.

Пора видимо поговорить начистоту и объяснить маленькой девочке, что парням нравятся неприступные крепости, а особенно их завоевание.

– Неправда, к Кате Вербининой ты питал нежные чувства, – сразу насупилась сестра.

– Катя Вербининая уже два года как замужем. А я туда звать никого не стремлюсь.

А в свете последних событий мое «не стремлюсь» помножилось на много раз.

– Ну, ладно, в общем, ты сам виноват, что сверстники не в моем вкусе. Приучил ко всем этим взрослым разговорам, таскал всегда за собой и думал, что я тебе сопляка приведу с гормонами, бьющими через край? Я хочу вас познакомить. Ты ведь прожженный парень в амурных делах. А я не хочу потом ходить с разбитым сердцем. Ты, как дамский угодник, сразу вычислишь своего собрата.

– Наташа, у мужчин в молодом возрасте нормальное явление менять женщин. Не все же однолюбы.

Нет, я, конечно, не святой, но вполне себе различал, кого и когда трахать, а куда лучше свой член не совать. Меня впервые обидело замечание сестры, если она представляла меня разбивателем женских сердец. Интрижки случались, время от времени, но для молодого парня, не встретившего ту самую – это нормальное явление.

– Ну, так это да или нет?

Говорю же Нартышка, а не Наташа. Родители явно промахнулись в подборе имени.

– Конечно, да. Мне теперь обязательно нужно посмотреть, что там за мужчина такой.

– Он очень красивый. Нет, не красивее тебя, но у меня сердце замирает, когда он ко мне прикасается...

– Оу, – протянул я и перевёл на сестру сердитый взгляд, – вы уже зашли так далеко? А мама знает?

– Нет, между нами ничего еще не было! – вспыхнула Наташка румянцем. – Но такие вопросы мне уже задавать

некорректно. И не тактично! Я же не спрашиваю тебя, где ты иногда проводишь ночи напролет?

– Тактичная ты моя, еду заказала? Я голоден, а ты, видимо, любовью питаешься и флюидами своего красавчика, и забыла о голодном брате?

Наташа опять сверкнула недовольным взглядом.

– Ах да, некорректно. Поцелуями, значит, пока что... – без ехидства не получалось общаться на такие темы.

– Да, – романтично протянула Наташа. Никогда она долго на меня не обижалась. – Ты как всегда прав... Целуется он отпадно! Похоже, и в самом деле все было серьёзно, раз сестру было ничем не пронять. Она витала в облаках и в подтверждение своих слов мечтательно закатила глаза.

– Наташка! – пригрозил строгим голосом, толком не понимая даже ещё, как относиться к тому, что скоро она будет обходить меня вниманием.

Домой мы вернулись далеко за полночь. Мать, как и обещала, дождалась нас и предложила выпить всем вместе чаю. Я согласился, но сказал, что долго засиживаться не буду, потому как валюсь от усталости с ног и завтра у меня запланирована дальняя поездка.

Мама сидела напротив нас, смотрела таким любящим взглядом, что у меня сердце сжималось из-за поступка отца. И не в силах больше терпеть эту пытку, поцеловал маму и Наташу в макушки, и пошёл в свою комнату. Принял душ и лёг в кровать. Мне казалось, что я не засну, а в итоге прова-

лился в сон, едва коснувшись подушки.

Дорога до Ростова заняла очень много времени, всюду шёл ремонт дорог. И я пожалел, что вчера не спросил у Арса его новые треки. По радио шла полная ерунда. В итоге я убавил звук до нуля и просто сосредоточился на дороге. Уезжал из дома ранним утром, пока все ещё спали. Как вор пробирался, не желая никого разбудить. Если бы знал, что тот вечер на кухне и в целом во всей жизни был последним, когда мы были все вместе рядом, то поднял бы всех на уши. Никуда не поехал и остался дома. Но как в той поговорке говорится – знал бы, где упадёшь, соломку заранее подстелил...

– Через месяц придётся вернуться и проинспектировать, как идут работы, – сказал Карим. – К концу года здание должно уже полностью функционировать и принимать первых посетителей.

Весь день я провел в ноутбуке, работал в программе и производил необходимые расчёты. Наша компания решила начать расширение сети ресторанов в разных городах и посмотреть на отдачу. Отец мечтал об открытии ресторана в каждом городе, где количество населения выше миллиона. Неплохое желание, но после вчерашнего представления на его столе с той развратной потаскухой, мне резко стало все равно на проделанную работу. И переступить барьер, который образовался внутри, мне было не под силу: я презирал отца. Всю дорогу думал о нем и об этой ситуации, думал о том, как давно он встречается с белой блядью и как часто их

меняет.

Но, кажется, не меняет. Елена Золотова – так звали женщину, которая последнее время часто бывала у нас в главном офисе. Недавно завершился ремонт южного крыла здания основного ресторана, и несколько дизайнеров работали в команде почти три месяца. Я лично общался с каждым. В том числе и с ней. Возможно, эта связь отца с молодым дизайнером была временной, а таких Лен у него было бесчисленное множество?

– Да что с тобой такое? – рядом снова возник Карим. Я сидел перед ноутбуком и давно в тот уже не глядел, а снова думал об отце и его «срочных делах».

– Что со мной? – поднял глаза. – Я работаю.

– Ты второй день ходишь как тень, а обычно шутишь напропалую.

– Шутки закончились, – ответил я серьёзно и перевёл взгляд в ноутбук.

– Давай, сворачивай работу. Поехали в Старгород. Хочу навестить давнего друга. У него тоже свой небольшой ресторан, но тебе он после московского шика, скорее всего, покажется забегаловкой.

– Я бы сразу домой поехал, – закрыл ноутбук.

– Да ладно тебе. С таким лицом? Поехали, здесь буквально в часе езды. Красивое место, речка, ну ты вспомни, ты был в восторге тогда? – продолжал настаивать Карим.

– Да помню я. Хоть и давно это было.

Отец тогда отправил меня и Наташку с Каримом в этот город на месяц, а сами с матерью поехали в какой-то круиз. Карим был родом из этих мест, наверное, потому его и тянуло на родную землю. Но как тётя Альма, его мать, умерла, с тех пор он сюда больше не ездил.

– Ну вот, пока рядом хочу навестить могилу матери. Заодно встречу с другом. Я ему позвонил на днях и сказал, что приеду.

– Ладно, поехали. Охота уже расслабиться и вытянуть ноги, – я и правда, устал от работы, аж глаза болели от напряжения, будто песка в них насыпали.

Сначала дорога, потом макеты в программе...

– Ну, глядишь, и расслабишься, в ресторане наверняка работают симпатичные официантки...

И в самом деле, почему нет? Самое лучшее занятие, чтобы вытеснить все гнетущие мысли из головы познакомиться с симпатичной девушкой.

– Твой друг содержит притон? – усмехнулся я.

– Без понятия, сто лет его не видел. Но охота на него поглядеть. Может, и помогу чем-нибудь в его бизнесе. По старой дружбе.

Я кивнул и откинулся на спинку стула, вытягивая ноги.

– Через полчаса выезжаем, – напомнил Карим и скрылся из виду.

В отличие от моего отца он женат не был и никому не изменял, никого не предавал. Да и сколько помню себя, был

при отце, много помогал, и я всегда мог на него положиться. Часто нас с Наташей оставляли на его попечение.

Через час с небольшим мы въехали в Старгород. Кроме речки и нескольких улочек я ничего и не помнил об этом городе. В свои семнадцать я всерьёз увлёкся строительством и архитектурой, читал первые учебные материалы и пробовал осваивать программу в компьютере. Наташка много времени проводила с матерью Карима, совсем мелкая ещё была. Нечего особо вспоминать. Карим прав, нужно отдохнуть и отвлечься, снять какую-нибудь девицу на вечер и забыть обо всем. Домой возвращаться я не хотел. Знал, что мама и Наташа будут против моего переезда, но жить с предателем под одной крышей выше моих сил. Мне нужно прежде успокоиться. Возможно, даже поговорить с ним, хотя, что он мог сказать в свое оправдание? Если разлюбил мать и захотел другой жизни, то так бы лучше и сказал, чем обманывать всех и себя в первую очередь. И ведь поступал сейчас как трус, в командировку сослал, сам куда-то уехал... Не поступают так взрослые и самодостаточные люди. Впервые я был рад, что хоть чем-то пошёл не в него.

5 глава

Тася

Сегодня я приехала на работу немного раньше обычного. Дома перед выходом наспех приняла душ и слегка уложила волосы в струящиеся локоны. Зачем? Не знаю. Запретила себе даже думать о том, что будет через час, два или наутро. Ильнур говорил, что у меня ночь на раздумья, но, кажется, я решилась. Получу деньги на руки и отправлю мать с Лизой в Москву. Лучше так, нежели ещё одно горе и траур. Уж свой собственный позор я точно как-то переживу. А может, особо и переживать ничего не нужно будет. Если Ильнур не обманул меня, и этот человек в самом деле окажется не местным жителем, то мы скоро забудем друг о друге.

Лариса и Марина сегодня тоже были на высоте. Весь персонал будто сошёл с глянца. А я вдруг ощутила себя голой без макияжа как у девочек. Я ненавидела Ильнура, презирала всем сердцем и мысленно искала пути для отступления. Но мечта и желание посадить маму и Лизу на самолет, чтобы отправить в Москву, придавало сил, перечеркивало все страхи. Я, конечно же, с ними не полечу и останусь в городе. Но ненадолго. Ровно до наступления экзаменов. А после уеду. Найду работу в Москве, займусь усерднее рисованием. Выживу. Если получится так, как я планировала, то ещё и матери с Лизой буду помогать. Главное, пережить эту ночь.

А со своей совестью я как-нибудь договорюсь.

– Ты чего такая бледная? – спросила Лариса, всматриваясь мне в лицо. – Вот, возьми румяна. Хоть на человека будешь похожа, а не на мумию. Ильнур три шкуры с нас спустит, если что-то пойдёт не так, как он вчера отрепетировал.

Да, вчера мы снова задержались на работе, переодевались в новую форму и смотрели в толстое озадаченное лицо, то бишь Ильнуровское. Он остался доволен проделанной над нами работой. Интересно, а кого он инструктировал после моего вчерашнего ухода, Ларису или Марину? Или Лилю? Она была постарше и опытнее нас всех. Я, наверное, самая молоденькая и чистая среди собравшегося контингента. Но ненадолго. Буквально через несколько часов стану такой же. А ошибки и просчеты белым ангелочкам не прощают. Таких как я, которые всегда были правильными, а потом вдруг оступились, не любили еще больше.

– Спасибо, – поблагодарила я, закрывая косметичку.

– Ты, когда накрасишься, совсем на себя не похожа, – восхищенно произнесла Лариса, всматриваясь в мое лицо.

А я и хотела быть сегодня не похожей на себя обычную. Ещё бы нанесла слой краски, чтобы чувствовать себя под двойной бронёй. Жаль, ее потом тяжело отмывать. В целом, как и мой скорый позор.

Весь вечер прошёл в обычных заботах. Облаченные в новую униформу, мы щеголяли по залу и разносили заказы. Улыбались и все, абсолютно все, интуитивно ждали часа «х».

Кто-то мечтал, о том, чтобы получить крохи внимания от прибывшей делегации, говорили, их будет трое или четверо человек, а кто-то, то есть я, просто предвкушал скорое окончание этого вечера и мечтала после как все завершится, открыть купальный сезон в реке и смыть с себя весь позор и прикосновения чужого, незнакомого человека.

Ильнур появился в зале в обществе трех человек, которые были облачены в дорогие деловые костюмы. Изю всех сил я старалась не смотреть в их сторону, но взгляд сам выцепил самого молодого среди них. Я рассматривала мужчину, вспоминая слова нерусского мерзавца, что уважаемый человек приедет вместе с сыном. И среди этих людей только один выглядел молодо. И вполне симпатично. Я даже на секунду усыпила свою совесть: если Ильнур сдержит слово и запихнет меня в вип-комнату к этому мужчине, мне будет не так противно, как если бы это был старый Багров или ещё какой-то местный отморозок. Одна ночь, и мы больше никогда не встретимся. Случайная интрижка и операция сестры.

Заметив на себе пристальный взгляд голубых глаз, я непроизвольно одернула короткую юбку. Высокий, широкоплечий, с чувственным ртом и симпатичным лицом, с волевым подбородком. Мужчина вместе с Ильнуром смотрел в мою сторону. Не знаю, почему не отводила глаз, как замороженная. Прекрасно ведь понимала, что сейчас Ильнур пытается меня ему разрекламировать, заметив интерес в его глазах. Уголок рта незнакомца поднялся, и он слабо кивнул,

окинув меня бесстрастным взглядом, от которого, тем не менее, я покраснела до кончиков волос. Только под тем слоем косметики, что я нанесла на свое лицо, моего смущения никто бы и не заметил.

Затем мужчины расселись за столиком, а Ильнур оказался возле нас чуть ли ни в ту же минуту.

– Ты! – зашипел на меня, тыкая мне в грудь пальцем. Глаза горели так, словно он выиграл миллион в лотерею. – Иди, прими у них заказ, а через час, чтобы была в вип-комнате.

Приват, он хотел сказать, но вип звучало не так пошло. Марина и Лариса переглянулись, а я кивнула, размышляя над тем, что у меня был еще час, чтобы сбежать из этого гадюшника.

Вдохнув и выдохнув несколько раз, я досчитала до десяти, чтобы справиться с волнением и ненужными эмоциями, и направилась к столику, ощущая дрожь не только в ногах, но и во всем теле. Трое мужчин, двое из которых были весьма преклонного возраста, сидели на кожаных креслах возле продолговатого стола и разговаривали между собой.

Я подошла и замерла, ожидая, когда смогу предложить им закуску и выпивку. Молодой человек поднял лицо, и наши глаза встретились. Мой подбородок непроизвольно вздернулся вверх, и я смерила его ненавистным взглядом. Потому что презирала таких, как он. Он считал, что мог купить все за деньги. Но сильно в том заблуждался. И да, я решилась продать свое тело, но это ровным счетом ничего не значило!

Несколько секунд мы пытались друг друга взглядами. Я мечтала расчленить его, посылала проклятия и слала флюиды неприятия, чтобы он передумал и переключил внимание на Марину или пышногрудую Лилию. Но нет, в его глазах зажегся огонь. Он с интересом смотрел на меня и слегка улыбнулся.

– Добрый вечер. Что-то желаете? – спросила мягким и спокойным голосом и никак не показывала своего настоящего отношения ко всей этой ситуации.

– Да, принесите воды, – отозвался мой «гость» по-прежнему не сводя с меня голубых глаз.

Интересно, Ильнур успел ему сказать, что я буду стоять недешево? Могла ли я рассчитывать, что получу деньги после... всего этого, как и обещал этот пузан?

– Хорошо. А вам?

Двое взрослых мужчин скользнули по мне глазами и отрицательно качнули головой, продолжая разговор.

Я развернулась и на дрожащих ногах отправилась прочь. Когда вернулась с подносом в руках, за столиком вместе с гостями уже сидел Ильнур. Все четверо вели оживленную беседу и я, поставив воду, не стала мешать, скрылась из виду от греха подальше. Но ненадолго. Потому как подальше уже от этого самого греха держаться, точно не получится...

– Скажи, что это было? – Лариса уперла руки в бока. – С чего это вдруг ты и приват-комната? Когда это ты успела подсуетиться? Ты же вроде у нас как невинная овечка?

– Тебе послышалось, – процедила я сквозь зубы и прошла мимо.

Меня вдруг затрясло от гнева. Я хотела сохранить все в секрете, но старый нерусский черт решил унижить меня по полной. Прекрасно знал, что девчонки мне потом все кости перемелют и разнесут по городу слухи. Но до слухов мне не было никакого дела. Уж что-что, а это меня совсем не пугало так, как совесть, которая точила меня изнутри. Но помимо меня была ведь еще и мать. Вряд ли ей придется по вкусу разговоры и пересуды, как низко пала её старшая дочь. И нет, ресторан Ильнура не был притоном. Но именно такие параллели я сейчас проводила в своей голове, ощущая себя марионеткой. Казалось, что все это происходит со мной не по-настоящему. Однако я сама приняла такое решение, никто меня к нему не склонял и не принуждал. И на месте того приезжего мужчины мог бы быть жирный и старый Багров или ничуть не лучше выглядевший Коваль, прокурор-тряпка, смотрящий на нас так, словно все мы были мусором под его ногами.

Помимо воли тело забила сильная дрожь, когда в подсобке появился взбешенный Ильнур. Его ноздри раздувались как у быка, и он смотрел на меня, будто я была красной тряпкой.

– Кажется, мы обо всем договорились, или ты решила соскочить?

– Мне нужны деньги. Где гарантии, что ты мне потом нагло не посмеешься в лицо?

Нет, конечно, он так не сделает, репутация у Ильнура была отменная: не бандит, и слов на ветер не бросал, и охрана у него была внушительная. Спорить с ним – себе дороже. Мне не нужны сломанные ребра. Но страх и неуверенность диктовали свои условия.

– Тасенька, тебя ждут. На втором этаже последняя дверь направо. Деньги утром завезут мои ребята. Возьмёшь на завтра выходной. И если мальчику понравится, и он захочет продолжения, заплачу сверху.

– Тебе какая выгода от этого? – голос дрожал, а руки тряслись.

В любом случае, если не пойду в приват-комнату, подносы носить тоже уже не смогу, все будет дребезжать и падать. Адреналин зашкаливал и, наверное, я только сейчас поняла, что обратной дороги нет.

– Не твоего ума дела. Иди, – он кивнул в сторону выхода. – Не убудет от тебя, потерпеть одну ночьку. Не заставляй человека ждать, – фальшиво-приторным голосом говорил Ильнур.

Так мне хотелось кинуться ему в лицо и выцарапать глаза. Не убудет... Конечно, не убудет! Только после выходного я больше не вернусь в эту шарагу. И вообще не вернусь на эту ночную работу. Полы мыть в больницу пойду, на вокзал листовки раздавать, но в этот притон больше ни ногой! И только пусть попробует кинуть меня на деньги!

Поднимаясь наверх, я не чувствовала ног. Тело била круп-

ная дрожь, я часто-часто дышала, не в состоянии сделать глубокий вдох и, мне казалось, что от волнения и напряжения я лишусь сейчас чувств. Когда коснулась руками холодной металлической ручки двери, то вдруг поняла, что это все по-настоящему, а там за дверью... Что если меня ждал зверь или садист? Но вспомнив о том, что, вернувшись домой, увижу заплаканное лицо матери и Лизину улыбку. Вспомнив, что сестра уже несколько месяцев не могла, как все нормальные дети, бегать и играть, потому что любая активность и волнения были сейчас под запретом, я решительно опустила ручку. Сделала шаг и погрузилась в темноту.

Приглушенный свет от торшера растекался по комнате переливом, и я заметила мужчину. Он стоял ко мне спиной у окна и, услышав, как дверь открылась, слегка обернулся. Я прикрыла за собой дверь, но с места больше не сдвинулась. Тряслась, как осиновый лист, а в голове шумело от переживаний и волнений. Какое-то время он рассматривал меня все тем же пристальным взглядом, а затем улыбнулся и, сделав несколько шагов навстречу, остановился, сохраняя между нами дистанцию.

– Как тебя зовут? – прозвучал мягкий баритон.

Однако его голос, подобно удару хлыста, заставил меня вздрогнуть.

– Таисия.

Мужчина опустил глаза, скользя взглядом по моей фигуре, а мне захотелось покрыться ледяной коркой, чтобы его

обжигающий взгляд не оставлял горячие отметины на моем теле.

– Идём, – произнес он и направился на выход.

Я недоумевала, куда и зачем. Но спросить элементарно боялась. Да и что это изменит? Я пришла к нему по доброй воле. И была счастлива покинуть это место. Может быть, и мужчине было неприятно здесь находиться? От одной мысли, что меня поимеют на диване в этой маленькой комнате, где пересовокуплялась половина города, я бы чувствовала себя ещё ниже. Наверняка мы поедem в гостиницу и займемcя сексом в его номере на огромной кровати? Все лучше, чем эта каморка. А у меня пока будет небольшой запас времени, чтобы успокоиться. Или сбежать. Вроде, с виду он не походил на извращенца. Но я ужасно боялась ошибиться.

6 глава

Тася

Мы вышли из здания через главный вход, завернули за угол и оказались на парковке. Я старалась не поднимать головы, чтобы ни с кем не встречаться глазами и не видеть осуждения во взглядах людей. Мне казалось, что все они свидетели моего позора думали, как девчонка распустилась и потеряла последние крохи совести.

Молодой человек остановился у большой черной машины, сработала сигнализация, и я, не дожидаясь приглашения, открыла дверь и забралась внутрь. Меня уже откровенно лихорадило, и зуб не попадал на зуб от волнения. Но я изо всех сил держалась и старалась не показывать этих нелепых чувств, до которых ему не было никакого дела.

В салоне приятно пахло кожей и дорогим парфюмом. Если бы я выбирала себе мужчину по запаху, то этот бы подошёл стопроцентно. Незнакомец забрался внутрь, но вставлять ключ в замок зажигания не торопился. Я не смотрела в его сторону, но чувствовала его пронизательный взгляд на себе. Медленно повернула голову и встретилась с его глазами, которые в темноте казались чёрными. В них я увидела неприкрытое вождение. Мужчина внешне был очень симпатичный. Ухоженный, от него приятно пахло свежестью с цитрусовыми нотками. Я глядела в его лицо, примечая, что

у него над правой бровью имелся небольшой шрам в виде звездочки.

– Ты замёрзла?

Я кивнула, меня до сих пор потряхивало, но признаваться, что трясусь от страха, весьма глупо. Ощущала себя так, будто все мои чувства оцепенели. Он вставил ключ в замок зажигания, завел двигатель, поколдовал над какими-то кнопками на приборной панели, и на меня подул теплый воздух. Наверное, этих самых кнопок на клавиатуре моего старого ноутбука было меньше, чем в его навороченной машине.

– Сейчас согреешься, – прозвучало просто, но я уловила скрытый подтекст.

– Куда мы поедем? – спросила я, заглядывая в его лицо.

Мой голос был холодным, бесцветным, и именно так я себя и чувствовала в это мгновение. Заметив мои разглядывания, мой спутник снова усмехнулся и отвернулся. Машина плавно тронулась с места, и мы выехали с парковки.

– Мы поедem в гостиницу. В мой номер.

Я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок.

У нас в городе была лишь одна приличная гостиница, за городом. В десяти минутах езды от ресторана. Пешком идти далеко, но сомневаюсь, что такие, как он, вообще ходили пешком.

Как я и предполагала, мы направлялись в эту гостиницу. Туристы любили это место, чуть ниже располагался величественный монастырь, практически, на берегу реки. В цер-

ковные праздники к нам приезжало много паломников, и абсолютно все восхищались открывавшейся перед глазами красотой и природой, называя наш город маленькой жемчужиной. Машина въехала в огороженную кованым забором территорию и остановилась у одного из аккуратных домиков. Неподалеку от него располагалось главное административное здание.

Мы выбрались на улицу. А я, как и в ресторане, предпочла опустить голову вниз и не встречаться ни с кем взглядами, хоть людей было и не так уж много. Город у нас был небольшой, и уже, скорее всего, завтра разнесется плохая молва о моем поступке. Перетереть свежие сплетни за утренним чаем или кофе и перемыть кости какой-либо опустившейся глупышке, обозвать ее потаскухой – любимое занятие многих высокоморальных тетенок. Но я об этом думать сейчас не собиралась. И как могла, глушила эти мысли о том, сколько будет косых взглядов в мою сторону и неллицеприятных слов. Все стерплю и вынесу. А потом все об этом забудут. Появятся новые темы для обсуждения.

Незнакомец открыл ключом дверь и повернулся ко мне лицом. По-хорошему следовало спросить его имя, он как-никак станет моим первым мужчиной, но я ничего не хотела о нем знать. Достаточно того, что он приятной наружности, и после этой ночи наши пути навсегда разойдутся. Я вошла внутрь, и он закрыл за нами дверь. Прошел через всю комнату и остановился у окна. На улице уже давно опустились

сумерки, и единственным источником освещения в комнате был свет из окна от высоких фонарей. Причудливые тени падали на кровать и пол.

Мужчина положил ключи от машины и телефон на стол, что стоял у окна и снял с себя пиджак.

– Подойди, – чувственным и низким голосом произнёс он.

Иллюзия нереальности происходящего владела мной до этого самого момента. Я решительно сделала несколько шагов навстречу и остановилась перед ним. Может быть, у него в столице осталась невеста, может быть, он менял девчонок, как перчатки, может быть, эта случайная связь и ночь, подобная этой, повторялись в его жизни часто, и ему того было вполне достаточно. Однако, я – не он, и для меня, как ни крути, это все значило много больше. Я лишь интуитивно понимала, что мне необходимо делать, потому что мужчины у меня до него никогда не было. А, следовательно, и опыта тоже не имелось, как доставить удовольствие такому искусному и красивому любовнику. Но я готова была импровизировать...

Мужчина коснулся пальцами моего лица и провел по скулам, спустился по шее вниз к вырезу рубашки и погладил нежную кожу. Я широко распахнула глаза и уставилась в его лицо. Прикосновения мужчины совершенно мне чужого и незнакомого казались противоестественными, но были приятными.

Умелыми пальцами он расстегнул пуговицы на моей ру-

башке, пока во мне боролись противоречивые чувства: смесь глубокой покорности, бьющей через край гордости и яростного, необузданного желания сбежать от него.

– Ты по-прежнему вся дрожишь, – заметил мужчина, снимая с меня одежду.

Рубашка приземлилась на пол. Я медленно подняла свои глаза к его лицу. Сильные руки легли мне на талию, и я снова подумала о том, что с моей стороны было очень благоразумно нанести пудру на лицо. Хотя, сомневаюсь, что в полумраке он бы заметил моё смущение и страх. Его дыхание опалило кожу, и по спине прошли мурашки, когда он коснулся моего рта и оставил на губах поцелуй. Он не был настойчив, но все его движения были уверенными. Внезапно он отстранился, заглядывая мне в лицо, и подвел к кровати. Согласиться отдаться человеку, который меня не любил и ничего ко мне не чувствовал, все-таки большая глупость. В жизни еще не была так напугана, но делала вид, что ничего не боюсь.

Мысленно я была готова к тому, что он словно хищник, распробовавший вкус своей добычи, захочет большего, повалит меня на мягкий матрас и быстро мной овладеет. Но нет, я сделала поспешные выводы.

– Ты такая тихая и задумчивая. Мне это нравится.

Только я знала наверняка, что ему было все равно, какое у меня было настроение. Впрочем, мне тоже было абсолютно все равно, что творилось на душе у этого человека. Но я всегда и всему пыталась найти оправдание. Даже Ильну-

ру, называя его мерзавцем, понимала, что он погряз в жестоком мире, где лицемерие и проданные возможности крепко держались за руки. И благодаря ему я стала игрушкой в его нелепых играх. Он собирался получить свою выгоду, ублажить городских влиятельных гостей, подложив меня под одного из них, а я получу в итоге ничтожный процент и пустоту в душе. Смотрела в мужское лицо и успокаивала себя мыслями, что на его месте мог бы оказаться совсем другой человек, после ночи с которым я бы ощущала себя конченной дрянью, грязной подстилкой. А так... почему бы не представить, что меня действительно влекло к мужчине, не поддаться его умелым рукам и ласкам? Кажется, он знал, что хотел от меня получить. А я мечтала поскорее получить деньги и забыть обо всем.

Пока я уговаривала себя, что не совершаю ничего плохого, и все могло быть во много раз хуже, мужчина избавил меня от остатков одежды. Я осталась в одном белье, а он оглядывал меня потемневшим взглядом, в котором я видела море похоти и желания. Затем он отошел от меня, засунул руки в карманы брюк и указал глазами на большую кровать:

– Ложись, – уверенно скомандовал он, и в его глазах загорелся азарт, а меня пробрала волна дрожи и ужаса.

Мне не потребовалось повторять дважды. Я присела на край кровати и, оттолкнувшись ногами от пола, оказалась едва ли не посередине нее. Мужчина не сводил с меня глаз. Жег ими, и я поймала себя на мысли, что хотела узнать, о чем

он думал в этот момент. Нравилось ли ему то, что он видел? И что он замыслил? Лёгкая улыбка мелькнула на его губах.

– Ильнур говорил, что ты очень покладистая и сможешь меня удивить... Попробуешь?

Утвердительно качнула головой, но что должна была делать и чем удивлять, не понимала.

7 глава

Тася

– Сними белье и расставь широко ноги, я хочу видеть, как ты ласкаешь себя, – услышав его низкий голос, я вскинула голову.

Его лицо исказила гримаса какого-то чувства, но какого именно – понять не могла, но мужчина не шутил и действительно требовал от меня озвученного.

Я вспыхнула огненным румянцем и какое-то время переваривала смысл сказанных им слов. А потом молча сделала, как он просил. Кажется, от меня ждали покорности и покладистости? Стянула с себя трусики, расстегнула лифчик и широко расставила ноги, ощущая, как сгораю от стыда. Ещё ни перед кем и никогда я не представала в такой позе. Но под восхищенным и заинтересованным взглядом мужчины чувствовала себя... Нет, не увереннее. Но почему-то мне было приятно видеть эту гамму эмоций на его лице. Блеск в его голубых глазах говорил, что все я делала правильно.

– Поласкай себя, – попросил он, и я ощутила, как сердце учащенно забилось в груди.

Я потянулась рукой вниз и коснулась себя между ног. Хотелось отвести глаза, закрыть их, но я не отрываясь смотрела на мужчину. Погладила гладкие складочки, чувствуя легкое покалывание внизу живота. Нажала на клитор, который

немного увеличился в размерах, – мое тело, будто само подсказывало, что мне делать дальше, чтобы испытать приятные ощущения.

Мужчина, казалось, прирос к полу. Стоял и пытал меня потемневшими глазами, в которых разгорался огонь, а затем принялся медленно расстегивать рубашку все так же, не отводя взгляда. Я ощутила лёгкую тяжесть внизу живота, которая нарастала и набирала мощь. Мне было приятно себя ласкать, и когда в голове проскользнула мысль, что хотела бы, чтобы вместо моих пальцев оказались мужские, замерла и свела ноги.

Незнакомец уже снял с себя рубашку, и та оказалась на полу. Расстегнул ремень на брюках и вместе с боксерами стянул их вниз. Я увидела его член и какое-то время одеревеневшим взглядом смотрела на его большое достоинство, стараясь не думать о том, что у меня не получится принять его. Сильнее свела ноги вместе, закусил губу и глядела на него округлившимися глазами. Я впервые видела перед собой обнаженного мужчину. И, к своему ужасу, поняла, что мне понравилось то, что я увидела.

Он подошёл. Уперся коленом в край кровати и склонился надо мной. Его губы нашли мой рот, и он подарил мне чувственный и влажный поцелуй. Сильные руки сжали мою талию, и он подмял меня под себя. Мужчина покрывал тело нежными и легкими поцелуями. Его рука оказалась между моих ног, а пальцы, как я и хотела несколько мгновений на-

зад, нашли чувствительный бугорок. Я снова ощутила приятное тепло внизу живота и нарастающее напряжение. А когда он ввёл в меня палец и заглянул мне в лицо, не смогла сдержать всхлипа. Он явно знал, что делать, как заставить моё тело откликаться на его ласку. Я наслаждалась каждой мельчайшей деталью, начиная от по-мужски чувственного аромата его одеколona и кончая ощущением его твердых мускулов под гладкой кожей, которая соприкасалась с моей.

Его губы проложили влажную дорожку к груди, и он жадно втянул ртом сосок. Я едва не задохнулась от фейерверка ощущений и снова восторженно вздохнула, потянувшись к нему руками. Обхватила мужские плечи, вдыхая его свежий аромат. Тот самый, которым была пропитана его машина, и блаженно прикрыла глаза, чувствуя, как узел внизу живота затягивался туже.

Всё эти новые ощущения и чувства не были похожими ни на какие другие. И если бы не пикантность данной ситуации, я бы решила, что между мной и этим человеком действительно есть какая-то связь. Он словно знал, на какие точки нажать, чтобы я чувствовала ещё больше трепета и непонятного счастья, которое наполняло каждую мою клетку. Ни грамма отвращения, лишь жгучее и нарастающее желание получить больше.

– Погладь ладонью мой член, – поймала его затуманенный взгляд.

Мне было любопытно испытать эти ощущения и коснуться мужчины именно там, где он попросил. Обхватила ладонью его член и погладила, проводя верх и вниз и, услышав сдавленный хрип, тоже ощутила экстаз. Неужели его заводила эта неопытность и движение неумелых рук?

Его губы оставляли ожоги на теле, я забыла обо всем на свете и все, о чем мечтала и думала – это о его внимании и губах. Они заставляли меня забыть, что все это было не по-настоящему, что утром я получу внушительную сумму денег, а потом забуду об этой ночи и вычеркну этого человека из своей жизни.

Он навис надо мной и, расположившись между бёдер, широко развёл их в стороны. Придерживая член рукой, коснулся головкой моего центра, и я задрожала, предвкушая, что сейчас испытаю боль. Да, я была неопытной, и это был мой первый секс. Я понимала, что как только он окажется внутри, я почувствую боль особенно, учитывая размер, какой был у его члена. Но, тем не менее, он довёл меня до такой точки кипения, что я не хотела отступать, а стремилась узнать, что было за этой гранью наслаждения. Мужчина водил членом по моим складочкам и слегка постукивал твердой головкой по клитору. Я кусала губы и стеснялась стонать, стеснялась издавать хоть какие-то звуки, а он, будто нарочно, доводил до исступления и хотел слышать мои эмоции.

– Не сдерживайся. Можно больше не играть в скромницу, – услышала его голос и широко распахнула глаза.

Мужчина взял меня за подбородок, приподнял голову и стал нежно поглаживать тыльной стороной руки мои скулы. И я уже было собралась открыть рот, чтобы сказать ему, что ничего не играю, как его губы запечатали мой рот, а ласки продолжились с новой силой. Большой, такой мужественный, почти чужой для меня человек вызывал во мне неведомый раньше для моего существа трепет. Мне уже не под силу было разобраться в своих противоречивых чувствах.

Наверное, я погорячилась, когда решила, что постараюсь забыть об этой короткой связи. Я-то постараюсь, а вот моё подсознание ещё не раз будет возвращаться к этим приятным минутам. Ощутила, как узел внизу живота разорвался, а из лёгких вырвался хриплый и протяжный стон. Комната превратилась в одну большую и яркую вспышку. Я кончила, испытав свой первый оргазм, и судорожно глотала воздух, не понимая, как у него получилось вызвать эту гамму чувств одними только поглаживаниями и легкими постукиваниями головкой члена по клитору. Усилием воли я преодолела волну дрожи, охватившую мое тело, когда незнакомец обнял меня и притянул к себе, а затем и вовсе вдавил весом своего тела в матрас. Я ещё не успела даже толком прийти в себя от всего, что он со мной сделал, как ощутила острую боль между ног вместе с резким толчком, направленным в меня. Я впечаталась в его грудь, а мое тело послало нервным окончаниям и мозгу сигнал борьбы и сопротивления. На глазах выступили слезы, и я, судорожно втягивая в себя воздух, при-

нялась отталкивать его от себя. Он замер, а его руки крепко стиснули меня. Он никак не реагировал на мои попытки сопротивления и лишь сильнее вжимал в матрас, блокируя любые движения.

– Прекрати, – донесся его тихий голос, пока я ловила губами воздух.

Вспышка боли угасла, и я перестала отталкивать его от себя и стучать по нему кулаками. Кажется, он тихо выругался. Я разлепила глаза, в которых стояли слезы.

– Посмотри на меня, – так же тихо попросил он, не выходя из меня, но и не двигаясь, словно боялся причинить новую боль.

У меня не сразу получилось сделать так, как он попросил. Чувство распирания между ног было ещё очень ощутимым.

– У тебя ещё никогда не было мужчины? – спросил он, когда наши глаза встретились, и я утвердительно кивнула.

Теперь он выругался по-настоящему, а я все так же ощущала тяжесть его веса на себе и не могла сделать полноценный вдох. Он крепко стиснул челюсти и закатил глаза. Хватка его ослабла, но член по-прежнему был внутри. И, кажется, больше не причинял столько боли, сколько сделал вначале. Или потому не причинял, что не двигался?

– Если бы я, конечно, знал, то сделал это несколько мягче. Придётся немного потерпеть, сейчас ты привыкнешь к этим ощущениям, – и медленно продолжил движение.

Губами запечатал мне рот, углубляя поцелуй и обхватил

руками мою голову, слегка ее сжимая. Мне было так приятно от тяжести его веса несмотря на то, что вдох получалось сделать с трудом. Он медленно двигался и словно прислушивался ко всем моим ощущениям.

– Тебе все еще больно? – спросил он, касаясь губами шеи и нежно прикусывая ими ключицу.

– Нет, почти нет...

Все его движения после того грубого и резкого толчка, по мощи и силе напоминавшего разрыв бомбы, теперь были медленными, будто он давал мне возможность и время привыкнуть к новым ощущениям. Постепенно он начал увеличивать темп и входить на всю длину. Я чувствовала каждый его толчок. Хотелось забыть о боли снова испытать то окрыляющее чувство эйфории, какое он заставил меня пережить до того, как грубо вошел в меня. Но вряд ли это было возможно.

На какие-то мгновения все ласки и движения прекратились, мужчина отстранился от меня и поднялся, достал из кармана своих брюк маленький серебристый квадратик, открыл его и раскатал по своему члену презерватив. Я, как замороженная, смотрела на него не в силах отвести глаз. А затем он вернулся и снова вошел в меня. Сильные руки крепко держали меня за бедра, и я смотрела в его лицо и отдавалась калейдоскопу новых ощущений, не помня в эту минуту о том, кто я и почему оказалась в этом домике и с этим человеком.

Сейчас черты его лица обозначились еще резче и выражали такое дикое и страстное желание, что ко мне снова вернулись прежние страхи. Я видела выступившие у него на лбу капли пота, и когда его рука оказалась внизу, а пальцы нашли увеличившийся в размерах бугорок и нежно ласкали его массирующими движениями, ощутила новую волну наслаждения. Я не смогла сдержать стона, выгнулась ему навстречу дугой и ухватилась за его плечи. Мне казалось, если я его отпущу, то тут же полечу вниз. И наверняка разобьюсь.

Он толкнулся в меня еще несколько раз, и вес его тела снова обрушился на меня. Весь мир кружился перед глазами, а его член пульсировал внутри. До этого дня я точно не испытывала столько боли, но и тем не менее ничего лучше со мной тоже не происходило.

8 глава

Тася

– И что заставило тебя пойти на этот шаг? – мужчина поднялся с кровати, подошёл к столу и взял в руки телефон.

Тот периодически подавал признаки жизни, пока мы были вместе. Смотрел в экран, а я в его спину, опустила взгляд ниже к ягодицам и крепким ногам. Наверное, все же ему писала одна из любовниц. Не могло у такого красавца никого быть. И аппетиты были высокими, поэтому я и оказалась в его постели. Отложив телефон в сторону и, повернувшись, он поглядел на меня. А я, смутившись вконец, натянула на себя покрывало.

– Ничего не заставило. Я сама.

– Неправда, – его взгляд заставил меня сжаться, и я поторопилась отвести глаза.

Если он скажет Ильнуру, что ему не понравилась ночь со мной, то денег я точно не получу. Только врунья из меня, похоже, очень плохая, по тяжёлому взгляду мужчины я поняла, что он мне не верил.

– Когда Ильнур сказал мне, что ты меня удивишь, я и подумать не мог, что ты девственница, и он имел в виду этот нюанс. Твоя неуверенность и покладистость, смущение должны были меня подтолкнуть к этой мысли. Что он тебе пообещал за это?

– Я ни о чем не жалею! Я сделала это ради денег. И прекрасно понимала, на что иду. Если Вам... понравилось и... Вы все, то я пойду, – пролепетала, чувствуя, как бешено стучит сердце в груди.

Я стыдилась встретиться с его строгим взглядом. Поднялась, прикрывая свою наготу. Подобрала вещи и направилась в ванную комнату.

Домики были небольшими: в них была всего одна комната и санузел. Ну и некоторые ещё имели шикарный вид из окна. Этот домик был обычным. Но ночь, проведённая в его стенах – нет. Я закрыла дверь и сбросила покрывало на пол. Взглянула на себя в зеркало и больше не угадывала ту девушку, которую видела в отражении. Внешне лишь прежняя я, а внутри... Я смутно представляла, как буду мириться с этим поступком, с этими чувствами и ощущениями, которые только что пережила. Это окажется намного сложнее, чем мне представлялось вначале пути.

Включила воду и зашла в душевую кабину. На моих бедрах виднелись красные потеки – отметины, которые оставил этот мужчина и эта ночь. Я смыла с себя его запах, свою кровь и, мне хотелось думать, шлейф всех его прикосновений. Дверь в кабину приоткрылась, мужчина вошёл в душевую и прижался ко мне всем телом сзади. У меня ноги подкосились, и губка выпала из рук.

– Повернись ко мне, – тихо попросил он.

Я снова задрожала, но вовсе не от страха. Просто совсем

не ожидала, что он войдёт ко мне, пока я принимаю душ. Надеюсь, что закончу водные процедуры, оденусь и покину его домик. А пока буду возвращаться к ресторану, где осталась моя машина, проветрю мозги и подумаю над тем, что скажу завтра матери.

Сильные руки легли на талию, погладили живот и спустились вниз. Как такое возможно, что его прикосновения заставляли трепетать мое тело, а вместе с тем, затрагивали и сотрясали душу? Всего лишь ночь, одна короткая связь, неужели я больше никогда не стану прежней Тасей?

– Мне понравилось, – сказал он тихо и губами провел по плечу и развернул меня к себе лицом.

Его руки с силой сжали мои ягодицы, и я поняла, что просто так он меня не отпустит и сейчас последует продолжение.

– И я ещё не все, – заглянул мне в лицо, а потом накрыл мои губы своими и ворвался языком внутрь.

Если бы он все это время не держал меня, то я бы уже осела на кафельный пол.

– Я не причиню тебе больше боли, – заметив замешательство и испуг на моем лице, сказал он. – Хочу, чтобы у тебя остались приятные воспоминания о первом разе. И не собираюсь искать моральную составляющую твоего решения и поступка.

– Отпустите меня, – жалобно проскулила я, понимая, что не смогу потом о нем забыть.

Лучше бы он оказался извращенцем или садистом. Не

знаю. Наверное, тогда я бы вконец разочаровалась в мужчинах и больше никогда и никого к себе не подпустила.

– Отпущу, – пообещал он. – Но не в ближайшие пару часов.

Отрегулировал напор воды и, приподняв меня за ягодицы, сделал шаг вперёд. Я коснулась спиной холодной стены и вздрогнула в его руках. Его поцелуи посыпались, как горячие капли, заставляя меня блаженно прикрыть глаза и кусать губы.

– Я хочу слышать твои стоны, не глуши их, – прохрипел он сдавленным голосом, заметив, что я напряжена.

Я ощутила твердую головку у своего входа и приготовилась, что опять сейчас испытаю такую же боль как тогда, когда он впервые вошёл в меня. Но он медленно опустил меня на свой член и так же медленно приподнял снова. Двигался аккуратно, будто давал привыкнуть к своим размерам. Я подумала о том, что завтра наверняка не смогу подняться с постели, а между ног будет ужасно болеть. Но сейчас эти ощущения и приятная наполненность, которую хотелось чувствовать бесконечно, вытесняла все мысли и страхи. Я терлась позвоночником о влажный кафель и судорожно всхлипывала, когда он глубоко насаживал меня на свой член. Но не от боли, а от фейерверка странных ощущений. И снова, как и в предыдущие два раза, почувствовала, как реальность резко начала ускользать, стоило ему помочь мне ласками, и я была не в силах больше сдерживать стоны. Вцепилась в его

плечи и боялась отпустить, боялась упасть и разбиться, теряя в эту минуту связующую нить с миром.

– Я не пойду в комнату за презервативом, – вышел из меня и отпустил, когда я немного пришла в себя после оргазма.

Ноги дрожали от слабости, и я едва стояла на них. Мужчина прижал меня к стене, придавливая своим крепким и мощным телом, взял мою руку в свою и приложил ее к своей вздыбленной плоти. Я поняла, что он хотел, чтобы я продолжила его ласкать. Я сжала его член и водила ладонью верх и вниз, глядя в его лицо. Он нахмурился, и небольшой шрам над правой бровью стал ещё заметнее. Казалось, он смотрел мне прямо в душу, а мир в эту секунду сосредоточился до крохотных размеров этой душевой. Я ощутила горячую жидкость в своей руке и чувствовала, как запульсировал его член. Впитывала каждое изменение на его лице, намереваясь сохранить образ этого мужчины и выражения его лица в памяти. Не уверена, что увижу нечто будоражащее и красивое еще хоть когда-либо.

После душа он отвёл меня в комнату и снова приказал лечь на кровать. Но больше не трогал меня. Точнее... почти не трогал. Ласкал пальцами между ног, жадно целовал губы и намерено сбрасывал в пучину наслаждения, упиваясь своей властью надо мной, пока я летела в эту бездну сладострастия и вскидывала руки в попытке ухватиться хоть за что-то, чтобы не падать ещё ниже. Но, кроме его плеч, никакой опоры больше не находила...

Телефон на его столе снова ожил, это был третий или четвёртый звонок в такой поздний час. Мужчина оторвался от меня, поглядев недовольным взглядом в сторону стола. Поднялся с постели и подошёл к окну, взял в руки телефон и, взглянув на экран, ответил на звонок.

– Да, – его голос прозвучал, как мне показалось, жёстко, а между бровями пролегла складка.

А затем его лицо на какие-то мгновения исказила гримаса растерянности и страха.

– Когда это случилось? – он тяжело и глубоко задышал, я подумала, что приключилось что-то нехорошее. – Утром буду в Москве, – коротко сказал он и отключил телефон.

Отвернулся к окну и какое-то время стоял и смотрел в непроглядную ночь. Наверное, скоро забрезжит рассвет. Было около трех или четырёх часов ночи. Прошло не так уж и много времени с того момента, как он привез меня к себе.

– Сколько тебе обещал заплатить Ильнур? – вдруг спросил мужчина.

– Пятьдесят тысяч, – ответила я на автомате и, когда сказала эти слова, поняла, что следовало промолчать.

Ибо ничем хорошим для меня эта ночь не закончится. У Ильнура были какие-то планы на этих мужчин, а утром, как я поняла, они покинут наш город, потому что там, в Москве у них что-то случилось. Точнее, у одного из них.

– Я плачу в два раза больше, но ты отказываешься от денег Ильнура, уходишь из той забегаловки и возвращаешься

к нормальной жизни? – предложил он.

Но я и так не собиралась туда возвращаться. Потому ответила тихое «Да», глядя на него растерянным взглядом и боясь спросить лишнее.

– Одевайся, я отвезу тебя домой, – бросил он холодным голосом.

Ничего не понимая, я поднялась с постели и скрылась в ванной. Вышла оттуда через пять минут. Мужчина уже стоял одетым и ждал меня. Мне хотелось сбежать от него прямо сейчас и побыть какое-то время одной. Он посмотрел на меня и кивнул в сторону двери.

– Идем. У меня срочные дела. Мне необходимо возвращаться в Москву.

В этот момент я поняла, что его молчание и напряжённый вид давят на меня. Мне хотелось спросить, что у него случилось, но я не уверена, что мне ответят.

На улице было очень темно. На воздухе, наполненном свежестью и прохладой, у меня слегка закружилась голова и я, ухватившись за мужскую руку, остановилась на секунду, давая себе передышку. На высоких каблуках ужасно неудобно ходить, а после этой ночи и всего пережитого ноги ещё дрожали и неуверенно ступали по асфальту. Мужчина, придерживая меня за талию, подвел к машине. Открыл пассажирскую дверь и помог забраться внутрь. Он все время молчал, и эта его немногословность сейчас несомненно была очень кстати. Мне тоже не хотелось ни о чем говорить.

Машина плавно тронулась с места, мы подъехали к банкомату. Видимо он уже был сегодня здесь и знал, где тот находится? Для приезжего человека, он неплохо ориентировался в незнакомом месте. Потянулся к бардачку и достал портмоне, вытащил из него несколько пластиковых карт и вышел из машины. Вернулся спустя минуту, держа в руках увесистую пачку денег. Сел за руль и положил деньги между нами на небольшую подставку.

– Здесь немного больше.

Повернулся и поглядел мне в лицо, а мне впервые за весь вечер захотелось расплакаться. Столько безразличия и пустоты было в его взгляде, хотя несколько мгновений назад он смотрел на меня горящими глазами, а его руки и губы... Я прикинула, что идти до ресторана не так уж далеко. Не смогу я больше оставаться рядом с ним. Особенно после того, как возьму эти деньги. А я собиралась их взять. Кстати, я до сих пор не знала его имя, а спрашивать... уже глупо и поздно. Все по-честному. Ночь я провела с мужчиной, деньги практически были у меня в руках, но почему эти самые руки, когда брали всю сумму, дрожали так, словно я совершала какое-то преступление? Ладони жгло, а сердце больно сжималось в груди. Если бы не операция сестры, я бы давно вылетела из машины. Без денег. Потому что мне понравилась эта ночь и этот мужчина, и я не хотела падать ещё ниже в его глазах. Но, кажется, ниже и так больше некуда. Он сейчас уедет, и у каждого из нас продолжится своя жизнь. И лишь

эта общая ночь останется для меня приятным и одновременно тяжелым воспоминанием.

– Спасибо, – я схватила деньги, открыла дверцу и выско-
чила наружу.

Плевать! Дело сделано. А деньги на операцию сестры бы-
ли у меня в руках. Я понимала, что этой суммы хватит опла-
тить все расходы на лечение и восстановление сестры и ещё,
возможно, останется на жизнь. Вполне умеренная плата за
перенесенную боль унижение и... удовольствие.

Я шла дрожащей походкой и чувствовала на своих лопат-
ках его взгляд, а когда скрылась за поворотом, услышала, как
взвизгнули тормоза, и машина уехала прочь.

9 глава

Александр

Я смотрел вслед удаляющейся фигуре и сжимал руками руль до побеления костяшек. И как только девушка скрылась из виду, выжал педаль газа, и машина резко ринулась с места. Глядел в непроглядную темноту, которую разрезал свет фар, и думал об этом нескончаемо долгим дне. И ни одной стоящей мысли не было в голове. Когда я соглашался на приятное времяпровождение, чтобы отвлечься и немного расслабиться, даже вообразить не мог, что меня ждал «такой» сюрприз. А позже ещё один. Контрольный. Как выстрел в упор. Полчаса назад мне позвонили из больницы и сообщили, что машина матери попала в аварию. Больше ничего не сказали, но сейчас я направлялся в Москву, а в глаза будто песка насыпали, и виски пульсировали от тупой боли, я дико устал и по-хорошему следовало отдохнуть перед дорогой. Но я знал, что все равно не усну. А значит, и смысла терять времени тоже не было.

Набрал Кариму сообщение, что еду домой и расположился поудобнее на сидение, едва ли не принимая полулежачее положение. Внутренности сковало предчувствие, что меня ждали неприятные новости. Чутье редко когда меня подводило. А ещё эта ночь и девчонка... И почему в жизни все и всегда наваливалось разом и скопом? Когда тот холеный и

толстый мужик предлагал мне досуг в обществе стройной и большеглазой девушки, обещая, что та приятно меня удивит и порадует, я даже и не предполагал, что он подразумевал под этими словами. Меня несколько не насторожило ее смущение и скромность. Да мало ли что её смущало?! Может, её напрягало моё молчание и напористость. Но я когда увидел её в этой короткой юбке, большие глаза на выразительном лице, которые горели странным огнём, сам загорелся подмять под себя ее стройное тело. И мысли изначально не допустил, что подобные недотроги водились в таком злочном месте. Понял, что не изображала она скромность, лишь когда стал ее первым мужчиной. Был уверен, что в этом ресторане, больше похожем на притон, работали одни продажные сучки. И, может, она такой и являлась, ждала, кому бы повыгоднее продать свою непорочность и чистоту, но... искать моральную составляющую этому поступку не собирался. Сам факт, что ради денег она пришла по указке этого старого толстопуза, выводил меня из себя, аж до сих пор дрожь прокапывалась по телу от гнева, когда вспоминал ее слова о сумме и каменное выражение лица. Я и заплатил ей больше, потому что... правильно так было, наверное. У меня много денег, а они ей нужнее, раз отчаялась на такой шаг. Вспомнил вид её растерянный и, тем не менее, гордо вскинутый подбородок. Деньги приняла и напоследок посмотрела на меня так, словно я был мерзкое насекомое. И если бы не плохое известие из дома, я бы задержался в этом городе и попытался узнать,

что же там случилось такого страшного, что она пошла на этот шаг. Возможно, позднее я наведу о ней справки, выясню что-то через Карима, но сейчас нужно было решать другие вопросы. Опрометчивые решения и поступки совершила она, а переживал и думал об этом почему-то я.

Несмотря на тяжесть в груди и полную неизвестность впереди, добрую половину пути я вспоминал аромат девушки и ее отзывчивость, с какой она принимала мои ласки. Как она смущённо кусала губы и сдерживала свои стоны и крики. Вспомнил, как она сопротивлялась и била меня маленькими кулачками в грудь и испуганное лицо, как сейчас, стояло перед глазами, когда после всего пришёл к ней в душевую кабину.

Тряхнул слегка головой, чтобы избавиться от шлейфа настойчивых воспоминаний. Я так и не принял душ и, мне казалось, что её запах все ещё оставался на моих пальцах. Я въехал в Москву ближе к вечеру. Наташка не отвечала на мои звонки, и я уже не на шутку разволновался. Тогда я набрал отца, хотя и не хотел этого делать. Но и он тоже не отвечал, будто все сговорились. У меня скрутило желудок в нехорошем предчувствии, ещё большем, чем когда уезжал из Старгорода.

Примчался в больницу, из которой поступил звонок, и узнав в регистратуре имя звонившего врача, направился к нему в кабинет. По поводу матери и её состояния администратор, стоявшая за высокой стойкой, мне ничего внятного

не ответила.

– Сергей Иванович? – я постучал в дверь и вошёл в кабинет.

Мужчина средних лет, в очках и залысиной на макушке поднял на меня взгляд.

– Александр? Ульянов? – спросил он, окинув меня бегло взглядом.

Я кивнул и заметил, как старательно доктор прячет глаза, и тут же ощутил нарастающую тревогу.

– Ваша мать и сестра поступили вчера вечером. Мы пытались дозвониться вашему отцу, но он вне зоны доступа сети. Получилось дозвониться только до Вас...

– Наташа тоже? – к моему изумлению, я произнес эти слова спокойно, но сердце в груди замерло и больно сжалось.

– Мне очень жаль...

– Что? – я смотрел растерянным взглядом, ощущая, как нарастает ком в горле, а сердце ожило и забилось, как сумасшедшее.

– Ваша мать скончалась два часа назад. Сестра находится в тяжёлом состоянии, но её жизни ничего не угрожает... – внезапно в его голосе зазвенела подкупающая искренность, а у меня из груди вышибло весь воздух.

Смутно слышал все его дальнейшие слова. Понимал лишь, что случилось непоправимое. Случилось большое горе, и мои страхи ожили наяву. Сначала меня захлестнули злость и гнев, потом они сменились отчаяньем, а в конце я

не помню, как оказался в коридоре, сполз вниз по стене и присел на корточки. Сидел так какое-то время, все ещё не веря, что это правда, а та встреча в доме накануне отъезда была последним тёплым воспоминанием. А теперь... пусто-та. Еще несколько часов назад был человек, а теперь нет. Думал о Наташе, и что ее удар хватит, когда она придет в себя и узнает о смерти матери. Думал, что не стоило никуда уезжать, и тогда бы ничего не случилось. И без конца прокручивал в голове воспоминание о улыбающемся лице матери, не веря, что больше никогда не увижу ни блеска в ее глазах, ни этой теплой и искренней улыбки, которую она дарила только Наташе и мне.

Спустя немного времени, я поднялся на ноги и вернулся в кабинет врача. Теперь, когда ужасная правда улеглась внутри, я хотел знать подробности этой трагедии. Хотел видеть мать. Мне предстояло заняться похоронами, но пока даже не представлял, как пережить следующие часы и не тронуться рассудком.

– Как это случилось? – спросил я прямо, глядя потерянным взглядом в лицо врача.

– Вам, наверное, лучше поговорить со следователем. На светофоре в них въехала машина. Это все, что мне известно. Ваша мать получила черепно-мозговую травму. Она так и не пришла в себя со вчерашнего дня. В случае, даже если бы она вышла из комы, удар был такой силы, что операция не дала гарантий...

– А Наташа? – я не знаю, откуда взялось мужество, но я не имел права сейчас заниматься самоедством. Просто не мог. Ради сестры не должен был падать на дно, которое засасывало меня в черную трясиину.

– У неё перелом ключицы, сотрясение головного мозга, шок. Я пока запретил ей говорить, что... – мужчина осекся и тяжело выдохнул.

– Правильно. Спасибо, – ком в горле не проходил, и мне было тяжело произносить слова. – Я сам ей скажу. Не знаю, за что на нашу семью выпали все эти испытания, но смерть матери окончательно подкосит сестру. – Мне нужно увидеть мать, – все же я набрался смелости и твёрдо произнёс эти слова, хотя в горле болело так, словно меня кто-то с силой держал за кадык и пытался его вырвать.

– К сожалению, я не могу Вас пустить к ней, – врач отрицательно покачал головой и сжал губы в тонкую линию.

– Я плачу любые деньги. Мне нужно десять минут, – но я готов был настаивать и идти до конца. Торговаться, в конце концов.

– Вы уверены, это все-таки останется в Вашей памяти навсегда. Зрелище не из приятных...

– А я как раз и хочу запомнить это на всю жизнь! – возразил я.

– Денег не нужно, – врач указал глазами, чтобы я следовал за ним. По дороге он достал телефон и сделал звонок, договорился с кем-то о том, чтобы нас пропустили в патоло-

гоанатомическое отделение.

10 глава

Александр

Мы спустились на лифте вниз, прошли по длинному и тёмному коридору. Подошли к какой-то двери, и мужчина обернулся, вопросительно заглядывая мне в лицо. Но я не передумал. Вошел следом за врачом в большую комнату с тремя столами, на одном из которых лежало человеческое тело, прикрытое белой простыней. Яркий свет от потолочных ламп бил по глазам.

– Я предупреждал, что зрелище не из приятных. Процедура вскрытия – формальность, которую нам необходимо проводить. Через несколько часов ее результаты и документы о смерти я отдам Вам на руки.

Внутри что-то снова содрогнулось, и я ощутил, как чёрная вязкая жижа накрыла меня с головой, а я захлебываюсь ей, не в состоянии сделать вдоха. Прошло не более минуты, пока я смотрел в бледное лицо матери, которое было изуродовано последствиями аварии, но мне казалось, что пролетела целая вечность. А эта картинка, как я и предполагал, навсегда оставит след в моей памяти.

Первым, что я сделал, когда вышел на улицу – набрал отца. Но его телефон, как заведенный повторял, что абонент вне зоны доступа сети. Тогда я позвонил Кариму и уже не в состоянии держать эмоции под контролем, кричал ему в

трубку, чтобы он нашёл этого подонка, чтобы достал его из-под земли. Рассказал о той сцене накануне отъезда, что застал в кабинете отца, и предположил, что тот спешно улетел в другую командировку и находился сейчас за пределами страны с той самой девицей. Я не ошибся. После этого разноса Кариму папаша позвонил мне спустя полчаса. Ничего не объяснял, лишь сказал, что через несколько часов будет в Москве и займётся всеми вопросами по оформлению похорон и лечением Наташи. Я послал его и разбил телефон об асфальт. Меня трясло от гнева и отчаяния и только сейчас накрыло осознанием, что изменить ничего нельзя, а мать ушла навсегда. И Наташа... Именно мне предстояло ей все рассказать, а это было ещё большим испытанием для меня, нежели узнать о смерти матери. Я обожал сестру и мать, а те в свою очередь были очень близки. Иногда я даже чувствовал себя лишним в их тандеме. Для сестры эта новость будет переломным моментом в ее жизни. Как и в моей.

В голове была полная каша, я побоялся садиться в таком состоянии за руль. Отшвырнул ногой разбитый телефон и сел на лавочку, что находилась возле ворот. Не знаю, сколько сидел, но, кажется, немного успокоился и пришёл в себя. Вернулся в больницу, зашёл в туалет, умылся, смочил лицо и шею холодной водой и направился в палату к сестре. Хотел сам лично убедиться, что с ней все в порядке. Наташа спала, её голова была перебинтована, плечо зафиксировано повязкой. Я присел на стул возле кровати и взял сестру за руку.

Такая она была бледная и хрупкая, что от страха за её жизнь и здоровье, от того, что мог бы потерять ещё и её, затошнило, и сильная боль прострелила виски. Лучше бы я оказался на её месте. Но не она. Сестра разлепила сонные глаза и посмотрела на меня усталым взглядом.

– Саша, – на секунду в ее глазах загорелся огонь и тут же погас. – Мама! – она резко поднялась. Видимо, поняла все по моему разбитому виду. Я тяжело вздохнул, потому что не собирался её обманывать.

– Ее больше нет, Наташа...

По лицу сестры потекли слезы, и она отчаянно замотала головой из стороны в сторону.

– Это неправда. Ты говоришь неправду! Нет, – заплакала она навзрыд, и я не мог больше сдерживаться, а ком внутри горла, что мешал дышать, вырвался наружу.

Я сам едва сдерживал слезы. Но знал, что если сестра их увидит, то я никогда не выведу её из этой истерики. Она ведь всегда брала пример с меня. А сейчас мне необходимо было быть сильным.

– Наташа, погляди на меня. Наташа... – позвал я сестру и слегка встряхнул за здоровое плечо.

Но тщетно, сестра заходила в рыданиях, я вышел из палаты и позвал медсестру. Та ввела Наташе успокоительный укол, и она немного присмирела. Я гладил её светлые волосы и часто-часто моргал, ощущая бездонную пустоту внутри. Мне хотелось отмотать время назад и что-то изменить. Но,

увы, такое было мне не под силу. Поэтому оставалось, сцепив крепко челюсти, терпеть и ждать, надеясь, что со временем станет легче.

Домой я вернулся поздней ночью. Не помню, как добирался до него, но проснулся я в родительской спальне с тяжёлой головой, будто беспробудно пил неделю или две. Перед глазами все расплывалось, и я ещё какое-то время лежал и подсознательно желал одного – поскорее похоронить мать. Как бы больно не было прощаться с ней, но это конец... По мне так легче было предать её тело земле и заблокировать все гнетущие и терзающие душу воспоминания. Хотя бы на время, потому что боль от ее утраты и тоска по ней будут нарастать постепенно. И если бы не пошёл вчера смотреть на неё, так бы и представлял, наверное, сейчас, что она все ещё жива. А надежда, что все это неправда, крепла бы, ведь врачам свойственно иногда ошибаться. Но я все видел лично сам, и сомнений быть не могло. Это не ночной кошмар, это случилось по-настоящему. С этими мыслями я и заснул и, как по закону подлости, снилось мне счастливое и беззаботное время и улыбка матери, словно кто-то поставил её на репит – она всплывала не только в моих воспоминаниях, но и подсознании.

Теперь в этом доме ничто меня не держало. Да что там держало... Его хотелось спалить и пепел развеять по воздуху. В один день все резко встало с ног на голову, и я больше не представлял, что будет там, в следующем дне.

Поднялся с кровати, слегка шатаюсь. Спустился вниз, прошёл через большой холл и направился на кухню. Осушил залпом два стакана воды и порылся на полках. Где-то у нас лежал запасной телефон. Наверняка отец уже был в Москве, и я так ненавидел его в эту минуту, что готов был убить. Как он посмел оставить мать и Наташу одних и отправиться с той потаскухой отдыхать? Нет, я не искал правых или виноватых, но ведь, останься он или я дома, все могло бы быть иначе. А получается, и моей вины во всем этом не меньше? Будь мама жива, она бы успокоила меня и сказала, что нужно думать о живых. И, конечно, была бы права, но что делать с сердцем, которое нестерпимо сильно болело в груди, и никакие лекарства не излечат теперь эту боль? Может быть, только время притупит, но я пока не сильно рассчитывал на этот вариант.

Поставил телефон на зарядку, а сам направился в душ. Холодная вода частично привела меня в чувство. На сегодня у меня было запланировано много дел, в первую очередь встретиться со следователем. С отцом, как бы не кипели внутри гнев и злость на него, я решил не только не разговаривать, но даже не встречаться, потому что не сдержался бы и накинулся бы на него, чтобы вытряхнуть всю душу, или еще чего хуже – накинулся бы с кулаками. Но ради Наташи я готов был держать себя в руках. А после... Даже не знаю, что должно случиться, чтобы я хоть когда-то простил этого подонка.

Я оделся, взял все необходимые документы и вещи и со-

бирался выйти из дома, чтобы не дай Бог не встретится с отцом, который обещал быть в Москве первым же рейсом. Хотел уехать пораньше. Но тут позвонили в дверь. На пороге стоял Карим с бледным, осунувшимся лицом.

– Саша, – его голос вибрировал от напряжения. Он, видимо, тоже примчался в Москву следом за мной. – Ты куда? – он кивнул на сумку в моих руках.

– Расчленил этого мерзавца и теперь везу его останки на мусорку.

Лицо Карима сделалось ещё бледнее, но он понял, что я имел в виду.

– И с тобой я тоже не хочу говорить. Уверен, ты давно в курсе его походов и прикрывал их не раз. Скажу даже больше, после похорон матери ни тебя, ни его в своей жизни я больше видеть не хочу.

– Саша...

– Я тороплюсь. У меня по плану встреча со следователем, а потом с Наташей. Если хочешь помочь и усыпить свою совесть, займись похоронами. Не уверен, что у отца это получится успеть.

– Саша...

– Ненавижу! – я крепко сцепил челюсти и процедил сквозь зубы.

Столько лет они все вместе дружили! Только последние годы Карим как-то отдалился от нашей семьи и отца. Но сейчас мне было так тяжело и больно в груди, я презирал обоих.

Отца – за предательство и ложь, а Карима – за то, что он пытался выгородить отца. И нашёл его, наверное, этой ночью через ту потаскуху.

– Ты только глупостей не наделай на эмоциях, – крикнул мне вслед Карим.

Но куда уж было больше? Да и не было у меня столько сил. Я был раздавлен и убит, мне хотелось, как маленькому мальчику, забиться в тёмный угол и сидеть там, пока не почувствую себя лучше. А должен был нести на своих плечах груз ответственности за все, что случилось и, в том числе, поднять на ноги сестру. Ей, в отличие от меня, было в несколько раз хуже. Мысли о Наташке и то, что я остался у неё единственный преданный и близкий человек, держали меня на плаву. Если бы не сестра и её плачевное состояние, то я бы точно совершал чего-то такого, о чем впоследствии бы пожалел, но точно не раскаялся.

11 глава

Тася

Не знаю, сколько времени я сидела в машине. Приехала в своё любимое место за городом к реке и смотрела, как медленно поднимается солнце из-за деревьев. Но внезапно налетела тёмная туча, и на лобовое стекло опустились первые капли дождя. Телефон периодически подавал признаки жизни, мама писала сообщения и интересовалась, все ли у меня в порядке, почему я так задерживаюсь на работе. Обычно я возвращалась около часа ночи, ну максимум двух. Сейчас же часы показывали начало шестого утра, а я не хотела двигаться с места. На коже ощущала его запах и пальцы... Поднесла ладонь к лицу и втянула в себя воздух, мне казалось, они до сих пор хранили аромат его кожи и помнили приятные ощущения, когда я впивалась ими в широкие мужские плечи. Ещё вчера я настраивалась на этот шаг и мечтала о том, как буду чувствовать себя грязной и низкой после всего этого, а на деле... ничего подобного и близко я сейчас не ощущала. Ночь, проведённая в мужских объятиях, мне очень понравилась, а деньги, которые находились в бардачке моей машины, отчего-то радости не приносили и тяжёлым камнем лежали теперь на сердце. Между ног болело, и сами ноги по-прежнему сводило от слабости, а воображение постоянно подкидывало картинки с мужским образом, его

взглядом и тихим вкрадчивым голосом. Представила, что на его месте мог бы быть кто-то другой, и волна неприятной дрожи прокатилась по телу. Наверное, это спонтанное решение согласиться на интимную связь ради денег было самым тяжёлым в моей жизни и в то же время самым приятным. Вспомнила ту острую первую боль, когда он проник в меня, и его хватку, словно меня опоясали стальным и раскаленным жгутом, как сопротивлялась, а он не отпускал меня и крепко держал...

Наверное, это к лучшему, что я больше его никогда не увижу. А со временем я забуду о нем и об этой ночи. Встречу другого человека. И главное, что уже совсем скоро Лизе сделают операцию. Я потянулась к бардачку и достала деньги, пересчитала их и какое-то время сидела, пребывая в шоковом состоянии. Денег было больше, чем сто тысяч. Почти в три раза. Мне даже хватит средств, чтобы поступить в какой-нибудь институт и снять жилье на первое время. Только радости почему-то я не испытывала...

Вернулась домой, не чувствуя ничего, кроме усталости и ощущения, что испита до дна. Своими же мыслями и испита. А мужчина, даже имени которого не знала, наверное, уже уехал из города и забыл обо мне. И я собиралась поступить так же. Ничего не буду о нем узнавать. Я была уверена, что с ним мы больше никогда не встретимся, а как все решится с операцией, и Лиза пойдёт на поправку, уеду из этого города. Затеряюсь в Москве и начну новую жизнь.

Зашла в дом, держа в руках деньги. Мать выскочила мне навстречу, услышав, как машина остановилась у дома.

– Господи, Тасенька, я уже думала обращаться в полицию. Я тебе столько раз звонила и писала, ты... – она осеклась, увидев пустое выражение на моем лице и заметив пачку денег в моих руках, сжала губы в тонкую линию.

Часть суммы осталась лежать в бардачке. Я пока ещё не решила, что мне делать дальше. Для начала сдам все экзамены и получу диплом. Дождусь маму и Лизу из Москвы. И там уже буду принимать окончательные решения.

– Тася... – мама прикрыла ладонью рот, и слезы градом покатались из ее глаз. – Что ты натворила...

Мама по характеру была очень мягким человеком и никогда не поднимала на меня руки. И сейчас я была уверена не поднимет, хотя будь я на её месте, как следует вправила бы своей дочери мозги за такой поступок. Даже если он был во благо. Но зато мама и без рукоприкладства умела одним словом и взглядом наказать так, что мало не покажется. Только я и так чувствовала себя отвратительно в прямом и переносном смысле этого слова, а когда видела этот ее взгляд, не осуждающий, нет, а такой жалостливый, будто она себя проклинала в эту минуту... ещё хуже становилось.

– Если ты не перестанешь так на меня смотреть я... я уйду из дома. Мне и так плохо, – тихо сказала я.

Мамин подбородок дрожал, и она не сводила с меня безумных глаз.

– Здесь недостающая сумма, мама. И будь у меня возможность отмотать время назад и что-либо изменить – ничего бы не меняла.

Положила деньги на тумбочку и пошла в свою комнату. Нет, в ванную не хотела идти и открывать купальный сезон в реке я тоже не стала, хотелось ещё хоть на чуть-чуть оставить на себе мужской запах и его горячие прикосновения. Наверное, все сложилось вполне удачно. Оставалось дать отпор Ильнуру и швырнуть его ребятам те деньги, которые он должен был мне дать. Он все равно мне ничего не посмеет сделать. Я выполнила условия нашей сделки!

Мама стояла в дверях моей комнаты, пока я раздевалась и складывала одежду на стул. Делала вид, что не замечаю её и той боли, что исказило её лицо. Я очень сильная и переживу это все. И осуждение, и сплетни, и глупые, пустые пересуды.

– Ты понимаешь, что тебе теперь житья здесь не дадут и повесят ярмо проститутки? – шёпотом спросила мама, глядя на меня все тем же потрясенным взглядом.

– Мне все равно, – бросила я из-за спины. Но маму и Лизу было немного жаль. – Поговорят и забудут. Вернётесь с Лизой, и уже найдутся новые сплетни для обсуждений. Я сдам все экзамены и поеду в Москву.

– Продолжать заниматься...

– Мама! – перебила ее и обернулась, гневно глядя ей в лицо. – Это все только ради Лизы, мне и так сейчас... – я судорожно вздохнула и осеклась. – Давай об этом поговорим

когда-нибудь... потом? А ещё лучше, никогда. Ты же не любишь, когда кто-то вспоминает о папе или говорит, что его возможно было спасти? Представь, что другого выхода у нас не было и просто смирись с этим. Как я сама собираюсь это сделать.

– Ты не понимаешь! Ты... Когда у тебя появятся свои дети...

– Обязательно пойму. И детей в ближайшее время не появится, если ты переживаешь об этом. Он предохранялся.

– Он... Он... Это Багров? – голос мамы дрожал, и она сама вся тряслась.

– Нет, – я скривила лицо.

Даже думать о том, что это мог бы быть престарелый Багров, было неприятно.

– Я не знаю этого человека. И узнавать о нем ничего не собираюсь. Он приезжий и уже уехал из города.

Я думала, мать впервые залепит мне пощечину, с какой злостью и отчаянием она глядела мне в лицо, но она лишь отвернулась и вышла из моей комнаты, прикрыв ладонью рот. Я знала, что она сейчас плачет на кухне. И плакать вместе с ней не собиралась. Поздно. Да и не любила я эти мокрые дела. Слезами делу не помочь. А оно уже сделано, и деньги были у нас в руках. Так зачем плакать?

Глаз я так и не сомкнула. Лежала на кровати и смотрела в потолок, решив, что сегодня я пропущу занятия в колледже. Возможно, что и завтра. В девять утра приехал человек от

Ильнура, благо мать к тому времени ушла на работу. Я не взяла деньги, которые он мне протянул, и просила передать Ильнуру, что я больше не вернусь в его ресторан. Понимала, конечно, что ничего хорошего меня ждать не будет после этого заявления, да еще и переданного через посредника. И в любом случае придется показаться в ресторане в ближайшие дни. Но только менять своего решения я не собиралась. Я была полна решимости уехать из города и начать новую жизнь.

Мать вернулась поздним вечером, а у меня не было сил даже встать и сходить сегодня в больницу, чтобы проведать Лизу. Я лежала в своей постели и периодически забывалась сном, и мне постоянно снился он. Мужчина, имени которого я не знала, но который спас мою семью от страшного горя.

– Тасенька, ты как? – мама вошла в мою комнату и тихо позвала меня.

– Все нормально, мам, – безразлично отозвалась я.

Она протянула мне воду и таблетки и ободряюще улыбнулась.

– Это обезболивающее и успокоительное. Тася...

– Мам, со мной все в порядке. Как Лиза?

– Я обо всем договорилась. Через два дня у нас самолёт. И попросила бабу Ньюру приглядывать за тобой, зная наперед, что ты будешь против, но мне так будет спокойнее. Если все получится, то через две недели весь этот кошмар останется позади.

– Все будет хорошо, – завершила я маму. – Мне не нужны таблетки, – кивнула на воду и белые капсулы. – Со мной правда все в порядке, – повторила я.

– Скажи, это все-таки был Багров? – вдруг спросила мама, а у меня от одной этой фамилии холод пробежал по позвоночнику.

От него давно поступали неоднозначные намёки. А теперь, когда до него дойдут обо мне новые слухи, и подавно завалит грязными предложениями.

– Нет, мама.

На ее лице отразилось недоверие.

– Это, честно, был не он. Я не знаю, кто этот человек. Он не местный. Отдал мне деньги и уехал этой же ночью. Я тебя не обманываю.

Говорить об этом было по-прежнему тяжело. Вспоминать еще больнее. А думать, так и вовсе нескончаемо грустно. Грустно, что больше никогда его не увижу...

– Хорошо, – выдохнул мама. – К сожалению, уже ничего не изменить, но...

– Мама. Без но. Я сделала это ради Лизы. Мне нестерпимо больно видеть в твоих глазах осуждение, сожаление и боль. Эта ночь никак не изменит твою старшую дочь. Поезжай в Москву и не думай ни о чем плохом. Все скоро будет у нас как прежде, а Лиза, как и все дети, пойдет в первый класс здоровым ребенком.

– Хорошо, – мама тяжело вздохнула, поставила стакан с

водой на тумбочку и принялась рассказывать про сестру.

Я пообещала ей, что завтра навещу Лизу и провожу их перед отъездом. Скорая доставит их до областного центра, а там посадит на самолёт, и уже в Москве их встретит бригада врачей. И даст Бог, все пройдет хорошо. Я очень сильно в это верила. Как и в то, что наша вера имеет чудесное свойство помогать нам в трудные минуты.

12 глава

Тася

Ближе к вечеру, когда на улице уже стемнело, а из окна повеяло прохладой и свежестью, мой телефон начал заходиться в бесконечной и несмолкающей трели от входящих звонков. Регина, видимо, поставила перед собой цель разрядить мне батарейку в ноль, но добиться ответа. Вот только мне не хотелось ни с кем общаться. И все же её настойчивость одержала верх над моим терпением, и я ответила на звонок, решив, что наверняка случилось что-то важное, раз она не унималась столько времени.

– Ну, наконец-то! Я уже думала, что плюну на всю подготовку к экзаменам и побегу к тебе домой. Это правда, что ты ушла из ресторана и вчерашнюю ночь провела с каким-то приезжим парнем?

Да, тактичностью Регина явно не могла похвастаться, но столько лет, сколько мы общались, и после всего того, что вместе пережили, ничего обидного в её словах и тоне не было. По крайней мере, я не обижалась. Да и разве на правду обижаются? Но зато меня возмутило другое. В этом небольшом городе ничего и ни от кого невозможно утаить. Представляю, сколько косых взглядов пришлось вытерпеть сегодня матери...

– Правда, – тихо, но уверенно ответила я, не чувствуя в

это мгновение ровным счётом ничего, кроме безразличия. И, нет, я не испытывала угрызений совести или нечто подобное за эту ночь. Будь у меня машина времени и возможность отмотать время назад, я бы в своей жизни ничего не меняла. Кроме болезни Лизы и смерти отца.

– Я буду у тебя через пятнадцать минут, – быстро протараторила Регина и разъединила звонок.

Я так и осталась лежать в кровати с открытым ртом, не успев ей сказать, что хочу побыть одна и говорить ни о чем не хочу. Десяти минут не прошло, как подруга уже стояла на пороге нашего дома. Бежала она, что ли? С неохотой я все-таки поднялась с кровати, взяла ключи от машины, сказала маме, что поеду с Региной на свое любимое место к реке и скоро вернусь. В ее глазах отразилось сожаление и грусть, но я старалась не думать об этом. Иначе и вовсе погрязну в пучине противоречий. Она, наверное, теперь все мои отлучки из дома будет воспринимать подобным образом. Но ничего, со временем смирится.

Мы сели с Региной в машину, я завела двигатель и направилась за город к реке. Раньше мы часто там бывали вдвоем, пока она не начала встречаться с Кириллом. Появление парня внесло существенные изменения в нашу дружбу. Я все ждала от Регины новостей, что они с ним вскоре поженятся, уж слишком стремительно и бурно развивался их роман.

– На тебе лица нет, – заметила подруга.

Я прибавила громкости на магнитоле и слегка улыбку-

лась. Куда же подевалась вся ее решимость и напор? Столько любопытства было в ее глазах, будто сейчас она услышит, что я выиграла миллион в лотерее. Ещё никогда не видела ее такой, чтобы она смотрела на меня с широко открытыми, удивленными глазами. Почему-то меня это забавляло.

Мы спустились вниз по извилистой дороге к реке, и я заглушила двигатель. Открыла окно и, расслабившись, откинулась на сидение, слушая, как делали вечернюю переключку лягушки, соревнуясь, кто громче заявит свои права на этот берег. Не хотела выходить из машины. Ничего не хотела. И просто ждала, когда меня отпустит апатия и уйдут грустные мысли. И на Регину не обращала внимания. Это она бежала со мной встретиться, а мне и дома в кровати было хорошо.

– Удивительно, правда? Я оборвала тебе весь телефон, чобиралась столько спросить, думала застать тебя, как минимум в слезах, а ты сидишь с таким видом... как будто каждую ночь проводишь с мужчиной, и ничего необычного не произошло.

Я лишь хмыкнула в ответ:

– Удивительно было, если бы все было наоборот, – произнесла без всякого выражения и взглянула в лицо Регины. – Ты же знаешь, я редко плачу. И было бы из-за чего. Мама и Лиза на днях уедут в Москву, моя цель, надеюсь, оправдает средства. Хотя, частично, это так и есть, – вспомнила о деньгах и снова ощутила, как обожгло ладони. Сумма все же была большая.

– Ну, рассказывай по порядку. Не молчать же ты меня сюда привезла! – глаза Регины загорелись пуще прежнего, а я почему-то подумала о том, что проголодалась, и вспомнила, что и крошки еще сегодня не держала во рту.

– Да особенно нечего рассказывать. Я говорила тебе, что попрошу денег у Ильнура? Вот он мне их и дал. Точнее, предоставил шанс заработать их, – открыла бардачок и указала глазами на красные купюры, большую часть из которых отдала вчера матери.

Регина охнула и потянулась рукой к деньгам.

– Это все-таки правда... – потрясённо сказала она, а я почему-то разозлилась.

– Конечно, правда! Но я ни о чем не жалею!

– Я бы тоже, наверное, не жалела... – Регина оторвала сияющий взгляд от купюр и посмотрела на меня, как на умалишенную, и я готова была уже выслушать все на свой счёт, но она лишь сказала:

– Багров теперь прознает об этом, – кивнула на бардачок, – прохода тебе не даст. Раньше он не трогал тебя, потому что...

– Даст, – возразила я, перебив Регину. – Я ушла из «Престижа». И в городе не планирую показываться ближайшие дни.

– А я сразу тебе сказала, что Ильнур не будет делать ничего просто так! Урод подложил тебя под первого встречного, да? – воскликнула она.

Я впервые не хотела так глубоко посвящать Регину в подробности своей личной жизни. Самой даже не хотелось глубоко во всем этом копаться. Я дала себе два дня безделья, чтобы прийти в себя. А после вернусь к экзаменам и стану прежней Тасей. Пускай все думают обо мне, что хотят, а мать проклиняет, я ни о чем не жалела. И уже почти ни за что не переживала, кроме исхода операции и здоровья сестры.

– Я решила, что сдам экзамены и поеду в Москву. Буду снимать комнату в общежитии и, возможно, постараюсь поступить в институт, – я давно об этом мечтала, еще до болезни Лизы.

– Ну, с такой-то подушкой безопасности это совсем не страшно, – протянула Регина, а я искоса поглядела на нее.

Никогда до этого дня она не была падка на деньги, и то, с каким вожделением она поглядывала сейчас в бардачок, вызывало у меня смешанные чувства.

– Только дождусь маму и Лизу из Москвы, помогу им первое время и уеду. Сделаю упор на рисование и свои таланты в этой сфере. Что получится, то получится, а вернуться в этот... лягушатник, – кивнула в сторону реки и нескончаемого кваканья, – всегда успею.

– Может быть, ты и права. Но Багров точно начнет подкатывать, а получать бесконечные отказы никому не понравится. Знаешь же, что он может слететь с катушек, затащит среди бела дня в машину, отымеет во все щели, и ничего ему потом за это не будет...

– Думаю, что в больших городах так же, если не хуже. Отличие лишь в том, что в маленьком городе все друг о друге знают, – я тяжело вздохнула.

– И потому личной жизни ты здесь не построишь. Клеймо «продажная шалава» ещё долго будет на слуху, поверь. Да и с кем строить? Вся молодежь перебирается в города.

– Да, – согласилась я.

После окончания школы и колледжа бывшие школьники и студенты уезжали в Ростов или Краснодар в поисках большего заработка. Мы с Региной подзадержались по объективным причинам, но тоже мечтали вырваться на вольные хлеба. Но и в своем большинстве люди у нас в городке были жестокие и злые, любящие уколоть своей правдой и превосходством, а иногда даже и унижить. Вон, сколько мать вытерпела и оббегала инстанций и местных богачей, чтобы выбить хоть какую-то помощь. Может быть, и в больших городах так же было, но там, по крайней мере, никто друг о друге столько не знал, хотя равнодушия и наплевательского отношения было не меньше.

– Я поеду с тобой, – вдруг заявила Регина.

– А Кирилл? – я смотрела непонимающим взглядом на подругу.

– Мы расстались. Этот козёл женится на Игнатьевой. Спал с нами двумя. А Ленка залетела.

– И ты молчала? – мою плотину равнодушия наконец-то пробило.

– А что говорить? Сама узнала вчера. Говорю же, ничего в этом городе не утаить. А позже Ленка пришла сама, я думала, волосы ей от обиды повыдергиваю, но она такая тощая и бледная. У нее токсикоз, похоже. Пару раз выбегала во двор, чтобы прочистить желудок. В общем, черт с ними двумя. Я еще лучше потом найду! – Регина поморщилась и смотрела на меня потухшим взглядом. – Поэтому я нисколько тебя не осуждаю. Что с любовью, что без, а все они козлы. Но судя по этому, – она снова кивнула на деньги, а я закрыла бардачок, чтобы те ее не смущали. – Этот хотя бы с деньгами и не жадный.

– Не горюй, встретишь ещё лучше Кирилла.

– Обязательно встречу. Вот ему назло и встречу! Кобель недоделанный... Но оставаться и смотреть на них не хочу.

Парни из колледжа ухаживали за мной какое-то время, пока не понимали, что толку от этих встреч – ноль. Не до отношений мне было последние полгода. Да и в целом последние года два. Мать зашивалась на двух работах, Лиза была на мне. В промежутках я тоже подрабатывала. И вот теперь смотрела на расстроенную Регину и понимала, что не хочу пока никакой любви и чувств. Хочу зацепиться в этой жизни, хочу рисовать и открыть свою маленькую студию и принимать заказы. Вот только сдам экзамены, развяжу себе руки и ударюсь в работу. Пока запас денег был, я могла позволить себе эту авантюру. Начну прямо с завтрашнего дня развивать свой профиль в соцсетях и на бесплатной основе

делать рисунки для разных блогеров, а тем, возможно, придется по душе моя мазня, и они сделают мне рекламу. И так с миру по нитке. А иначе в этой жизни ничего не добиться, под лежащий камень вода не потечёт.

– Думаешь, Ильнур так просто даст теперь тебе отставку? – озвучила мои мысли Регина.

Я весь день думала об этом подонке, и понимала, что с такими, как он шутки плохи. Но готова была рискнуть и пойти ва-банк.

– Ты прям умеешь подбодрить, – хмыкнула я и расстроено взглянула на подругу. – Нет, конечно, скажет, что дал мне шанс и работу, а я вот так некрасиво с ним поступила. Но мне плевать. Если понадобится, я из дома выходить не буду. Лишь бы мама с Лизой благополучно вернулись из Москвы.

– Да уж. Кто бы мог подумать, что ты решишься на такой шаг... – покачала головой Регина и поглядела на меня грустным взглядом.

Но мне матери дома хватало с ее жалостью. Понимала я все и все ее чувства, что ударом для нее стал этот поступок с моей стороны. И другая бы на ее месте за волосы меня оттягала, но у мамы был мягкий характер. Я точно пошла не в нее. Скорее в отца. Вот он бы точно вытряхнул из меня всю душу. Но также я отчётливо понимала, что все могло бы сложиться в нашей жизни иначе, будь папа жив. И ни мама, ни я не бросались из крайности в крайность, чтобы найти денег на операцию Лизе.

– Он хоть красивый? Молодой или не очень? – аккуратно попыталась продолжить допрос Регина.

– Я не хочу о нем говорить, – честно призналась я. И решила, что эти воспоминания и подробности той ночи останутся только в моей памяти. – Он молчаливый и, кажется, у него случились какие-то неприятности. Ночью он уехал обратно.

– Ну и хорошо. А то бы сегодня точно отправилась на работу. Сумма все-таки не маленькая. У нас и за год люди столько не зарабатывают...

Не знаю, шутка это была или нет, и с чего она взяла, что продолжение бы имело место быть. Но, тем не менее, осуждающе поглядела на Регину, и перевела разговор в другое русло. Мы ещё какое-то время посидели, болтая ни о чем. Я даже немного отвлеклась от грустных и гнетущих мыслей. И когда начал накрапывать дождь, поехали домой. Только я все равно без конца думала о своем незнакомце.

13 глава

Тася

Через два дня я провожала маму и Лизу в Москву. Сестра не выпускала моей руки и говорила, что боится уезжать. Я пообещала ей, что мы снова скоро увидимся, а после операции будем, как и прежде, ездить с ней на речку, гулять вечерами по горе, ловить бабочек и забудем про больницы. Предыдущие два дня я много времени проводила рядом с сестрой, решив, что после их отъезда буду наверстывать прорехи с экзаменационными билетами. Читала Лизе сказки, плела косички. Ради нее научилась по видео из интернета этому всему, хотя со своими волосами ленилась такое проделывать. Старалась эти дни меньше пересекаться с матерью. Жизнь не изменилась круто на сто восемьдесят градусов после той ночи, но многое было утрачено навсегда, например, доверие. А сплетни и косые взгляды... я никогда на них не обращала внимания. Какое мне дело до всех этих чужих людей?

После отъезда Лизы и мамы целыми днями я готовилась к экзаменам и в промежутках рисовала. По вечерам виделась с Региной. Мы ездили с ней на наше место к реке, правда, из машины уже не выходили. Комары и мошка не давали комфортно проводить время на улице, я спешно поливала рассаду матери и заходила в дом. Леса не обрабатывали уже какой

год, и этой пакости было немерено. Поэтому мы приезжали к реке, закрывали окна и просто сидели в машине и мечтали о том, как сдадим через две недели экзамены и уедем из города. Решили, что вдвоем будет значительно проще обустроиться на новом месте. И в плане снятия жилья, и в плане поддержки. Мне было немного страшно уезжать одной, а так... Прорвемся!

Несмотря на переживания за Лизу и как все пройдет, я была уверена, что операция сделает мою сестру здоровой девочкой. Каждый вечер я звонила ей по видеосвязи. Отношения с матерью стали ещё холоднее. Но у нас и без этого давно пропала тесная связь. Когда отец умер, она замкнулась в себе. Сначала я ее жалела, а теперь не понимала. Прошло столько времени, и, как бы она его не любила, глупо ставить крест на своей жизни. Она ещё очень молода. Хотя в нашем городе и не с кем строить эту самую личную жизнь. Порядочные мужчины были все при женах, а становиться чьей-то любовницей... не такой был у мамы характер. Да и что я понимала и знала, никогда и никого не любив? Мне ли ее судить?

Спустя неделю я осмелела и сама пришла в «Престиж», чтобы забрать трудовую книжку. Когда я оформлялась на работу, Ильнур обещал написать мне в трудовой, что я пришла работать к нему в ресторан официанткой, а не уборщицей, как это и было изначально. С первого нашего знакомства косил под благородного рыцаря, у которого за доспе-

хами из пуленепробиваемого пуза скрывалась гнилая душа. Уж не знаю, пригодится ли мне трудовая, и будет ли поход в ресторан, в итоге, стоить того, но вполне можно будет устроиться в большом городе куда-то в приличное кафе, если дела будут идти совсем тяжко. По-хорошему, мне следовало вообще не совать нос в «Престиж». Однако я ничего плохого не совершила.

Мужчина восседал за своим большим столом и смотрел на меня, слегка опустив лицо.

– Явилась, – хмыкнул он, оглядывая меня пристальным взглядом, будто искал на мне дефекты.

– Я пришла забрать свою трудовую.

Он поднял бровь.

– Девочки сказали мне подождать и не посылать к тебе ребятков, говорили, что ты совестливая и сама придёшь. Не ошиблись.

Я гордо вздернула подбородок, а внутри от страха затряслись поджилки. Он влёгкую мог попросить своих шестерок скрутить мне руки и закинуть в подсобку, а те бы в свою очередь не погнушались надо мной надругаться. И на этот случай я оставила машину у ресторана и не заглушила двигатель. Бегала я очень быстро. Пока он со своей нерасторопностью и пузом отдаст необходимые указания, меня уже и след простынет.

– Отчаянный поступок, согласна. Я не собиралась приходить. Но мне нужна моя трудовая книжка.

– Расчёт тоже хочешь получить? – издевательски осведомился он. От этих слов так и сквозило скрытым подтекстом. – Или Александр тебя неплохо отблагодарил?

Ну, вот, теперь хотя бы буду знать имя мужчины, с каким провела свою первую ночь...

– Между нами ничего не было. Я рассказала ему об операции и Лизе, он не прикоснулся ко мне. Поэтому твоих денег я не взяла. Зато он оплатил сестре лечение.

– Какое благородство! А в городе говорят о другом.

– Мне все равно, что они говорят. Лариса или Марина наверняка первыми же распустили слухи, когда увидели, как мы выходили с ним из ресторана.

– Получается ценник и предложение ещё актуально?

– Нет. Деньги мне не нужны. Я просила их для Лизы, а не для себя. Александр оставил свой номер и сказал, в случае проблем звонить ему.

Я блефовала, но другого выбора у меня и не было. С волками жить... Вот я и пыталась выжить.

– Может быть, и причину ты знаешь, почему он так спешно уехал из города?

Я уставилась в холеное лицо: одни горящие глаза и дразнящие интонации.

– Обещал скоро вернуться и потребовать от меня расплаты.

Ещё одна ложь и отсрочка, а в глазах мужчины загорелся азартный огонь после этих слов. Но эта ложь гарантия, что

меня не будут трогать какое-то время, пока вся правда не вскрыется. А потом я уже уеду отсюда, и об этой истории забудут. Никто за мной в Москву не поедет. Ильнур достал из ящика стола мою трудовую и швырнул в меня, прожигая гневным взглядом. Маленькая серая книжка упала мне под ноги, словно она была мусором.

– Вон пошла и считай, что я тебе поверил. Но ненадолго. А пока проверю все твои слова. – Ильнур рассеяно провел рукой по волосам и кивнул мне на дверь.

Мне не нужно было повторять два раза. Оказавшись в машине, я отъехала от ресторана на порядочное расстояние и, прижавшись к обочине, включила аварийку, чтобы перевести дыхание. Только сейчас поняла, что я легко отделалась, а мой план сработал. Ненадолго. И пока лучше не выходить лишний раз из дома и не показываться Ильнуру на глаза, чтобы не напоминать о себе.

Сегодня должны были делать операцию сестре, мама позвонила ещё утром, сказала, что Лизу отвезут через час в операционную. День операции совпал с первым экзаменом, и я нервничала и переживала так сильно, что думала, завалю всю подготовку. В голове смешалось все, что учила и читала накануне, потому что думала только о сестре. Получив хорошую оценку, я вернулась домой и не успела войти в него, как позвонила мама и сказала, что все прошло хорошо и теперь она ждёт, когда Лиза придёт в себя. У меня слезы на

глаза навернулись и я, наконец, получила долгожданное облегчение, что все наши страдания и переживания были не напрасными, а скоро и вовсе закончатся. До последнего момента я боялась получить плохую новость, но запрещала себе думать, что организм сестры не справится с такими испытаниями. Справился! Мы вместе проделали к этому большой путь! И заслужили этот маленький кусочек счастья. Сегодня ночью я впервые уснула с улыбкой на губах и с осознанием, что чёрная полоса в нашей жизни закончилась. А Лиза скоро сможет жить такой же обычной жизнью, как большинство детей: бегать, играть, позднее встречаться с мальчиками, заниматься спортом, получить образование, создать свою семью. А мать... Ни она, ни я больше не переживём чувства боли и утраты от потери близкого человека.

Но все не могло быть хорошо на всех фронтах. Закон подростости, не иначе. На следующий день, когда я возвращалась из колледжа домой, рядом притормозила большая чёрная машина, опустилось стекло, и я увидела лицо Ильнура, которое частично было скрыто за темными очками в серебряной оправе. У меня сердце пропустило удар, а потом забилося как сумасшедшее, и в голове зашумело от страха. Мне давно уже хотелось уткнуться в чье-то надёжное плечо и почувствовать себя уверенной и защищённой. Но последний раз такое со мной было в детстве, когда отец ещё был жив. А на деле жизнь будто проверяла меня на прочность.

– Ну что, козочка, погуляла на вольных хлебах? Садись в

машину, разговор есть, – с насмешкой произнёс Ильнур.

– Нет! – мои ладони покрылись испариной. Я ужасно боялась Ильнура.

– Не обижу. Садись, – криво усмехнулся мужчина, заметив, как я съежилась. Но я снова покачала головой из стороны в сторону.

– Выходи, и поговорим на улице. Людей почти нет, – а то, что нас увидят вдвоём... Да плевать! Мало ли что мы могли обсуждать. Может он о здоровье сестры подъехал меня расспросить?

– Ты на глазах превратилась в дикого волчонка, научившегося скалить зубы на руку, которая тебя долгое время кормила. Нашла новую кормушку? – не без ехидства осведомился он.

– И даже более того – скоро поеду к этой кормушке в город.

– Неужели будешь содержанкой при богатом молодце? Юлишь ты что-то, Таисия, не похоже на тебя... Ну да Бог с тобой. Наводил тут о тебе недавно справки один человек.

А у меня снова сердце подпрыгнуло в груди, и я подумала о своём незнакомце.

– Попросил встречу устроить. Заплатить обещал хорошо. Уж не знаю, на какой цене вы разошлись с Александром. Но Багров обещал приличные деньги.

Меня затрясло от гнева. Но ведь нечто подобное и следовало ожидать... А то размечталась о небесных кренделях.

– Ну, что молчишь и смотришь как на врага? Отказы такие люди не умеют и не любят принимать, а мне ну очень нужны хорошие связи...

– Я... не могу, – выдавила из себя эти слова, чувствуя, как от отвращения и злости поднялся каждый волосок на моем теле. – У меня договорённости с Александром. И, в отличие от тебя, он не стал торопиться с решениями, а дал мне время прийти в себя и дождаться результатов операции сестры. Поэтому сам договаривайся со своим Багровым и определись уже, кто тебе важнее. Но так дела не делаются, – моя решимость таяла с каждой секундой, и я думала, что сегодня у меня уже точно не получится выйти сухой из этого разговора. Потому что я исчерпала все доводы и не знала больше, о чем врать.

– Бойкая ты, Таисия. И до последнего стоишь на своём. Расслабься, придумал я про Багрова. Но друг мой, тот, что приезжал в тот вечер с Александром, действительно, звонил и просил проследить, чтобы тебя никто не обижал. Считай, в рубашке родилась. А это, – он повернулся и через полминуты показался в открытом окне, протягивая мне конверт и белый лист бумаги. – Деньги, что ты не взяла и характеристика.

Я смотрела округлившимися глазами на его руки и переваривала его слова.

– Не возьму я ничего, – я поняла, что Ильнур заглотнул наживку и действительно мне поверил.

Сделала шаг назад и с опаской поглядела по сторонам. Этот звонок, от кого бы он ни был, очень сильно мне помог. И все вместе казалось абсурдом и плодами моего испуганного воображения, но деньги и характеристика... говорили об обратном. Ильнур пытался меня сейчас подкупить, чтобы в случае, если я и вправду стану любовницей того приезжего парня, то он мог бы продолжать давить на меня? Другого объяснения у меня не было. Но что за друг ему звонил? Я бы и рада вспомнить все лица, что были в тот вечер в ресторане, но так переживала и ничего не могла воспроизвести в памяти.

– Даже так? – удивился он.

– Я же сказала, что лечение сестры оплачено. Скоро она вернётся домой, а лишнего мне не нужно, – кивнула на руку Ильнура. – Только не трогай меня и дай спокойно жить дальше.

– Так, значит, пожаловалась уже Александру?

Это был риторический вопрос и отвечать на него я не стала.

– И когда же ты уезжаешь?

Я, словно ходила по минному полю, подбирая слова для ответа и мысленно держа скрещенными пальцы, чтобы не сказать чего-то лишнего или невпопад и тем самым выдать свою ложь.

– Я жду звонка. Я же говорила, у мужчины проблемы и ему сейчас не до меня, – я снова блефовала, но Ильнур

утвердительно кивнул, а я будто бомбу обезвредила и только что пережала синий проводок, сохранив себе жизнь.

– Да, – он убрал деньги с листом бумаги. – Никому не пожелаешь таких проблем. Ну, что же, Таисия, в добрый путь. Если о тебе вспомнят... А нет, двери «Престижа» всегда для тебя открыты.

Меня снова передернуло от отвращения. Если уж на то пошло, лучше по-настоящему разыщу этого Александра и стану при нем содержанкой, как и наплела Ильнуру, чем вернуться в его гадюшник. Но лишь в одном он был прав, долгое время его рука кормила меня. А я не хотела опускаться до тех низостей, к каким привык этот человек и которых ждал всегда и ото всех. Стёрла с лица всю неприязнь, сглотнула нервный ком и просто поблагодарила его. От всей души, не чувствуя злости и ненависти. Бог ему судья, лишь бы не трогал меня и еще какое-то время верил в мою красивую историю лжи. А тот человек, который звонил ему и просил меня не трогать... Надеюсь, это с подачи Александра. И за то ему ещё одно спасибо. Большого мне и не нужно.

Стекло медленно поползло вверх, и спустя секунду машина резко сорвалась с места, оставляя после себя столб пыли на дороге. Я ощущала себя в эту минуту так, словно пробежала марафон, сердце бешено стучало в груди, дыхание сбилось, а ноги дрожали. Но, кажется, сейчас для меня и вправду все закончилось, а жизнь сама давала мне зелёный свет.

Мама и Лиза вернулись спустя две недели. Я уже сда-

ла экзамены и активно взялась за продвижение своей странички в инстаграм и вконтакте, рисовала бесплатные заказы для портфолио и набирала аудиторию. Съездила в областной центр и купила все необходимые для работы и рисования принадлежности. Работала пока вхолостую, но приток людей уже был заметен, и начали поступать первые пробные заказы. Я решила, что пробуду в городе до середины августа, а потом уеду в Москву. Уже присмотрела место в общежитии на первое время. Затем возьму курсы по художественной обработке и дизайну в одной из столичных школ. Пойду подрабатывать куда-нибудь, если будет туго по средствам. Поступить, увы, никуда не получится, сильно сомневаюсь, что мне повезет урвать бюджетное место в каком-либо институте. Хотя документы я, конечно же, подам. Но платное обучение не потяну. Это были космические по моим меркам суммы.

Накануне отъезда я отвела Лизу на речку, и мы провели с ней вдвоем практически весь день. Я уже неделю, как проводила с ней все свободное время. Мама взяла отпуск на две недели. Я знала, что буду по ним скучать, и им придётся сложно без меня первое время, но не могла здесь больше оставаться. И мама это тоже прекрасно понимала. А если произойдет чудо, и я все же поступлю в институт... решу, что просто это заслужила. Потому как последние полгода были сущим кошмаром и выживанием.

– Я буду скучать, – тихо проговорила моя маленькая ко-

пия.

Я купила сестре хороший телефон, и мы договорились, что будем с ней общаться по видеосвязи. Мама стояла в сторонке и молча смотрела на нас. Обняла меня на прощание и сказала, что верит, что у меня все получится, а они с Лизой всегда будут меня ждать. Мама больше не поднимала вопросов касавших той ночи. А я делала вид, что ничего не случилось, хотя и не могла забыть о том человеке и своем поступке. Он часто мне снился, и его лицо иногда без причин всплывало в памяти, и мне хотелось увидеть его вживую. Возможно, даже почувствовать снова все его прикосновения... Похоже на бред, но иногда мне казалось, что и он вспоминает обо мне, и тот звонок Ильнуру от его человека был не просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.